

В 2017 году известный российский писатель Алексей Иванов стал лауреатом Международной Платоновской премии в области литературы и искусства. Премия присуждена ему «за открытие сокровенных тайн отечественной истории».

Вручая автору награду, губернатор Воронежской области Алексей Гордеев отметил: «Очень правильно прозвучала сама аргументация — «за открытие сокровенных тайн отечественной истории». К сожалению, долгие десятилетия наша история начиналась с 1917 года, а если что-то рассматривалось в более отдаленной ретроспективе, то всегда находилось под жесткой цензурой и встраивалось в идеологические догмы, чтобы люди не воспринимали «не так» факты нашей богатой истории. Важно, что сегодня появляются писательские труды, рассказывающие о народе, об обществе, о том, как формировалось государство. И в этом разнообразии мы можем понять не только, какие существовали ошибки и проблемы или те или иные противостояния, которые приходилось преодолевать, но и самое главное — что нам есть чем гордиться». В ответ на это Алексей Иванов сказал: «Платоновская премия — не составительная, для ее получения не надо заводить выгодные знакомства, надо просто существовать в культуре, а не в московской художественной тусовке. И, конечно, это очень пре-

стижно — стоять в одном ряду с лауреатами Платоновской премии прошлых лет».

Алексей Иванов предложил журналу «Подъём» опубликовать главы из его документально-исторического повествования «Дебри», написанного в соавторстве с Юлией Зайцевой.

Роман Алексея Иванова «Тобол» рассказывает о петровской эпохе в истории Сибири. В романе множество сюжетных линий. Губернатор перестраивает Сибирь из воеводской в имперскую. Зодчий возводит кремль. Митрополит ищет идола в чудотворной кольчуге Ермака. Пленный шведский офицер тайно составляет карту Оби. Бухарский купец налаживает сбыт нелегальной пушнины. Беглые раскольники готовят массовое самосожжение. Шаман насылет демонов тайги на православных миссионеров. Китайский посол подбивает русских на войну с джунгарами. Ссылный полковник, зачарованный язычницей, гонится за своей колдовской возлюбленной. Войско обороняет степную крепость от кочевников... Эти яркие сюжеты выстроены на основе реальных событий сибирской истории, и очень многие персонажи — реальные персоны, о которых написаны научные исследования. Об этом — книга Алексея Иванова «Дебри», написанная в соавторстве с Юлией Зайцевой.

«Дебри — историческая основа романа «Тобол». А еще и рассказ о том, как со времен Ермака до времен Петра создавалась русская Сибирь. Рассказ о том, зачем Сибирь была нужна России и какими усилиями далось покорение неведомой тайги.

«Дебри» — достоверное повествование о дерзости землепроходцев и воровстве воевод, о забытых городах Мангазее и Албазине, об идолах и шаманизме, о войнах с инородцами и казачьих мятежах, о пушнине и могильном золоте, о сибирских святых и протопопе Аввакуме, о служилых людях и ссылных бунтовщиках, о мамонтах и первых натуралистах. Сибирская история полна страстей, корысти и самоотверженности. И знать ее надо просто потому, что мы — русские.

ПРОЛОГ

За одно столетие русские землепроходцы присоединили к России всю Сибирь: от кражей Урала до вулканов Камчатки, от побережья Ледовитого океана — «Дышащего моря» — до ледяных вершин «Крыши мира».

Маленькими отрядами по тридцать — пятьдесят человек они отважно выходили на terra incognita, словно в открытый космос. Никто из них не знал, что скрывается там, за поворотом, потому что эти грубые бородатые мужики, преданные государю вояки и вольные разбойники — сами себе хозяева, уже перешли пределы карт: с расчерченных листов шагнули на чистые страницы, чтобы кровью и потом нанести на них собственную географию. К началу XVII столетия территория современной России на три четверти была сплошным «белым пятном». Рисуй, сколько душе угодно.

В этих походах каждый преследовал свои цели. В конце XVI века к восточной окраине державы стекалось много разного народа. Были казаки с атаманами и десятниками на государевой службе; были купцы, почуявшие выгодный торг с инородцами; были «гулящие люди», которые сторонились царского ока, — вольные, без определенных занятий и прописки: в руках — ружья, в карманах — деньги, а на плечах — отчаянные головы.

Была у них и официальная цель: «провесть новых земли» и «привести их под государеву руку». Покорители Сибири не сомневались, что «добрым словом и

пистолетом» они убедили еще неведомых им таежных жителей в своей силе и в своем праве считать их землю своей: охотиться на ней, пахать ее, добывать из недр серебряную руду и собирать для русского царя ясак собольими шкурками и прочей мягкой рухлядью. Дерзость увеличивала силы пришельцев вдесятеро, и отряды в полсотни казаков подчиняли целые лесные княжества, не считая это за чудо.

Первые русские землепроходцы — не ученые натуралисты, бескорыстно мечтающие оставить свой след в научных скрижалях. Землепроходцы надеялись на государевы милости за меховые сокровища, добытые в новых краях, и на казенное пожалование за мамонтовые бивни; они жаждали наград за сведения о золотых и серебряных жилах и плодородных землях. Азарт покорителей подогревался предчувствием форта. И волновали воображение слухи, что где-то там, у Студеного моря, «лежит зверя моржа на две версты и больше», и песцов так много, что даже лыжи подбивают их шкурками, а на быстрых реках «по берегу рыбы, что дров». Государственное задание, личный интерес и авантюрная вера в райские кущи «там, где нас нет» запустили в XVII веке неуправляемое цунами российских землепроходцев.

А вслед за легучими отрядами охотчих людей тяжело и властно шагала махина Российского государства.

ИСПОЛИНСТВО ОТ РОЖДЕНИЯ

ИДЕЯ ЕРМАКА

Их десять — десять русских городков, построенных в Сибири в первое десятилетие после Ермака и в последнее десятилетие XVI века: Верхотурье, Туринск, Пелым, Тюмень, Тобольск, Тара, Нарым, Сургут, Березов и Обдорск. Это созвездие освещает «Сибирь изначальную» — ту часть Сибири, которую Русь обрела по итогам Ермакова похода. И Ермак здесь — демиург, создатель мира, атлант, который держит русское небо над языческой тайгой.

Ермак стал сакральным атаманом так стремительно, что бывшие его соратники не успели даже состариться. Ермака почитали и свои, русские, и даже аборигены-инородцы. Причины почитания очевидны. Русских изумила божественная дерзость, с которой Ермак завоевал землю, равную по площади самой Руси. А сибирским инородцам легче было покориться не человеку, а герою, которого избрали небеса: с волей богов не спорят.

Поход Ермака превратился в миф. Мельчайшие события этого похода были перетолкованы так и сяк и преисполнились огромного значения, будто библейские притчи. Маршрут Ермака оброс преданиями: каждый холм и каждый поворот реки на этом маршруте стали связаны с каким-то событием.

Култ Ермака начал складываться сразу после гибели атамана, и основу его заложили не русские, а сибирские татары. По легенде, в последней битве при устье реки Вагай на Ермаке были надеты две кольчуги: одна своя, другая — подарок Ивана Грозного. Раненый Ермак бросился в воду, чтобы доплыть до струга, но тяжелая броня утянула его на дно.

Татары утверждали, что тело Ермака всплыло в Иртыше через неделю после смерти — 13 августа 1584 года. Его случайно зацепил рыболовной сетью татарин Яныш, внук Бегиша, житель Епанчинских юрт. Епанчинский мурза Кайдаул опознал погибшего по двум «панцирям». Когда принялись их снимать, у покойника из носа и рта хлынула кровь, как у живого человека. Пораженный, Кайдаул послал гонцов во все окрестные селения, призывая приехать и посмотреть на тело Ермака, которое «точит кровь живу». Татары собрались отовсюду. Прибыл даже сам хан Кучум, заклятый враг Ермака.

Шесть недель тело Ермака лежало на священном помосте, и кровь все текла из ран героя. Из капель этой крови родились яркие цветы жарки — сибирские маки. Над мертвым Ермаком боялись пролетать птицы. Во снах Ермак являлся многим татарским, вогульским и остяцким князьям, и кое-кто из них просыпался безумцем. Наконец, Ермак привиделся царевичу Сейдяку — Сеид-Ахмету — и потребовал погребения. Ослушаться было страшно. В присутствии мусульманского абыза Ермака со всеми почестями похоронили под сосной рядом с кладбищем у селения Баиш. Героя почтили тризной, на которой принесли в жертву тридцать быков и десять баранов.

Могила Ермака возле Баишевского кладбища стала священной. Каждую субботу «бусурмане» видели, что над могилой загорается тихая свеча, а в родительский день встает огненный столб до неба. Земля с могилы Ермака исцеляла от болезней, и ее ели как лекарство. Но муллы и князьяцы настрого запретили сородичам рассказывать русским, где упокоен их герой. Эту тайну раскроет служилый человек Ульян Ремезов только через 76 лет.



Памятник Ермаку в Тобольске

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ ВОЗДВИГНУТ В ТОБОЛЬСКЕ В 1839 ГОДУ. В ТО ВРЕМЯ ПАМЯТНИКОВ СТАВИЛИ ОЧЕНЬ МАЛО, А ПАНТЕОН «ГЕРОЕВ ИЗ НАРОДА» БЫЛ И ТОГО МЕНЬШЕ — ИВАН СУСАНИН ДА КУЗЬМА МИНИН. НА ОТКРЫТИИ МОНУМЕНТА ЕРМАКУ ПРИСУТСТВОВАЛ ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР. ЭТО БЫЛА ВЫСОЧАЙШАЯ ЧЕСТЬ, ОКАЗАННАЯ ИМПЕРИЕЙ ПРОСТОЛЮДИНУ.

От Ермака остались две кольчуги, и они славились как чудотворные; одну из них остяки принесли в дар идолу на Белогорском святилище. Знамя Ермаковой дружины хранилось в храме города Березова. В Тобольске в память о Ермаке построили часовню Ермаков Крест, а на том месте, где Ермаку явился Никола Можайский, возвели Никольскую церковь.

Всю важность Ермака для самоидентификации сибиряков раньше всех понял первый иерарх Сибири — епископ Киприан (Старорусенников). В 1620 году он возглавил только что созданную Тобольскую епархию. Киприан повелел составить синодик (список имен для поминовения) павшим казакам Ермака, а стариков-ветеранов Ермаковой дружины, которые к тому времени еще были живы, Киприан распорядился собрать и расспросить — и непременно записать их «скаски». На основе этих свидетельств Савва Есипов, дьяк тобольского Софийского двора, в 1636 году написал летопись о походе Ермака.

Но самое главное слово о Ермаке сказал тобольский зодчий, картограф и летописец Семен Ремезов — сын служилого человека Ульяна Ремезова. Семен Улья-

нович работал как профессиональный ученый: собирал предания, читал старинные документы, посещал места событий. Свой труд он завершил в 1697 году. Эту повесть Семен Ремезов назвал «История Сибирская».

«ИСТОРИЯ СИБИРСКАЯ» РЕМЕЗОВА — ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ОНО МОДЕРНИЗИРОВАЛО ДРЕВНЕРУССКУЮ ЛЕТОПИСНУЮ ТРАДИЦИЮ. НО СОЗДАНО ОНО БЫЛО УЖЕ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ, КОГДА РОЖДАЛАСЬ СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОЭТОМУ ПРИ ВСЕМ МОДЕРНИЗМЕ КНИГА РЕМЕЗОВА ОКАЗАЛАСЬ АРХАИЧНОЙ И НЕ БЫЛА ВОСТРЕБОВАНА КУЛЬТУРОЙ РОССИИ, ОСТАВИВШИЙСЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ФЕНОМЕНОМ.

Она состоит из 154 новелл, и в основе каждой — микросюжет или важная мысль. «История» рассказывает и о походе Ермака, и о том, что случилось через много лет после гибели атамана. Семену Ремезову помогали сыновья; с любовью и тщанием Ремезовы снабдили каждую новеллу иллюстрацией-миниатюрой. Получилось синкретическое повествование романного типа: сразу житие святого (агиография), история путешествия («хождение»), историческая хроника (летопись) и публицистическое обращение («слово»). Но неназванный идеал, на который ориентировался Ремезов, — Евангелие.

«Исполниство Бог дает рабам своим от рожденья», — написал Ремезов о Ермаке. И Ермак в его повести — воистину Сын Божий. Он отмечен свыше. Он отважный воин, мудрый правитель и праведник, несущий во тьму Сибири свет Христовой веры. Ему сопутствуют чудеса: православные знамена сами собой летят мимо берегов, занятых воинами хана Кучума, а руки супостатов цепенеют в бою, и оружие ломается пополам. Его поход осеняют знамена: два мистических зверя дерутся друг с другом на острове посреди Иртыша, а во время сражения в небе появляется Христос, хватает татарские стрелы и швыряет их на землю. И Ермак приносит себя в жертву, как Иисус: перед последней битвой ему является Никола Можайский и предупреждает о гибели, но Ермак не отказывается от своего дела. Для русского Сибирь важнее жизни — вот главная мысль Ремезова. И он воплотил ее в образе мессии — в Ермаке.

Ремезов не провозглашал «сибирской идеологии». Он констатировал то, что уже было, и было давно. После Ермака в глубины Сибири двинулись сотни русских землепроходцев, и каждый из них видел себя Ермаком.

ИНОРОДЦЫ

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ СИБИРИ

Никане, бороталы, кутумы, гурленцы, ламунуты, тайчиуты, урлюки, арели, алтыны и алгыры, учуги, теленбуты, далайкатуни, желтые мунгалы и черные калмыки, конные братья и оленные дауры, «трех родов якуты, семи родов шаманы» и так далее — это перечень многочисленных сибирских народов из книги Семена Ремезова. Русские их всех называли инородцами.

Сибирь не была безлюдной пустыней. Русские пришельцы столкнулись здесь с представителями причудливых и разнообразных таежных культур. Всех надо было понять. Со всеми ужиться. Иначе Сибирь не освоить.

Почти все аборигены Сибири жили общинно-родовым строем. Своя государственность, хотя и зыбкая, имелась только у татар: она пришла на Иртыш во времена тюркских каганатов и укрепилась исламом. На переходе к феодальному порядку находились манси, у которых были четыре княжества на реках Ляпин, Пелым, Сосьва и Конда, и ханты, у которых на нижней Оби

сложилось шесть племенных союзов. Манси и ханты встретились с русскими еще до Ермака, еще в XV веке, — от них и узнали выгоды государственности. Но и в двадцатых годах XVIII века Василий Татищев писал, что инородцы Сибири «в единоравенстве пребывают», а их князья не имеют ни войск, ни власти.

Образ жизни аборигенов подчинялся условиям климата. Обитатели тундры кочевали со стадами оленей и устраивали себе временные стойбища с чумами. Обитатели степи летом гоняли скот по огромным угодьям и ставили юрты, а на зиму возвращались в селения с прочными жилищами. А таежники — охотники и рыболовы — были оседлыми; они имели селения с общинными домами, однако зимой, когда мех у зверей богаче, а леса проходимы для лыжников, разбредались по дальним промысловым заимкам.

Иностранцы не знали огнестрельного оружия. Например, сохранилась легенда, как на Ангаре буряты перебили отряд казаков и решили сжечь их тела и ружья, но ружья начали стрелять из костра, и буряты бежали даже от мертвых русских. У иностранцев было распространено многоженство, и оно часто становилось главной причиной отказа от православия. И еще в языческой Сибири существовало рабство. В рабы попадали «погромные ясыри» (как говорили русские) — военнопленные. Друг с другом иностранцы жили немирно, и русским не раз приходилось прекращать междоусобицы аборигенов или защищать одних от других.

Но в целом коренные жители Сибири изумляли русских своей честностью и простотой. Татищев писал: «Хотя они в познании божьем глупы, несмысленны, однако притом от природы справедливы и смиренны. Клятвопреступлений, воровства, блядовства, объядения, обманства и тому подобнаго весьма у них мало. Редко бывает, чтоб кто-нибудь в том изобличен был, да и то разве такой, который, пребывая между русскими, тому у них научился». Аборигены вели хозяйство очень экологично: не брали лишнего, не истребляли поголовно. Для иностранцев мораль была едина и для людей, и для природы. Например, они неохотно продавали телят — потому что коровы тоскуют, жалко их. Или не брали из звериных припасов все: считалось, если мышку или бурундука лишить заготовок, зверек от горя удувится в развилке веточки.

СЕВЕРНЫЕ ИНОРОДЦЫ СУМЕЛИ НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ТАМ, ГДЕ ДЛЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ПОЧТИ НЕТ НИКАКИХ РЕСУРСОВ. В УПРЯМОЙ БЕСКОНЕЧНОЙ БОРЬБЕ С ПРИРОДОЙ ОНИ ДОБИЛИСЬ СОВЕРШЕНСТВА СВОЕЙ УТВАРИ, ОДЕЖДЫ, ИНВЕНТАРЯ И СНАРЯЖЕНИЯ. ИХ БЫТ — ЭТАЛОН ЭРГОНОМИКИ, А ИХ ПРОМЫСЛЫ — ЭТАЛОН ЭКОЛОГИЧНОСТИ. ОБЫЧНЫЙ ЧУМ, С ВИДУ СОВСЕМ НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ, — ШЕДЕВР ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛИ.

У русских не было высокомерия по отношению к иностранцам; многие казаки брали себе в жены местных девок. Но все равно отношения между русскими и аборигенами складывались непросто: ведь русские отнимали угодья и облагали данью — ясаком. Иностранцы упрямо сопротивлялись. Для русских обычно самыми опасными были первые годы после завоевания нового острога: аборигены объединялись и пробовали изгнать пришельцев. Потерпев поражение, они смирялись, и жизнь входила в мирное русло — до тех пор, пока алчность чужих властей не поднимала иностранцев на бунт.

Самым известным конфликтом стала война с Пегой ордой — союзом селькупских родов на Оби. В конце XVI века Пегую орду возглавил князек Воня. Он развил бурную деятельность и сговорился с ханом Кучумом, чтобы совместно обрушиться на Тобольск. Однако напрасно Воня потрясал мечом и кропил идолов жер-

твенной кровью. В 1594 году у границ Тевой орды воевода Федор Барятинский поставил Сургутский острог: он контролировал остяцкое Бардаково княжество. В 1598 году из Сургута вышел совсем небольшой казачий отряд атамана Тугарина Федорова и разметал по тайге воинство князя Вони. На месте столицы самонадеянных селькупов атаман Тугарин построил Нарымский острог. Селькупы покинули берега Оби, и Пегая орда прекратила существование, а ее территорию заселили остяки.

ЗИМОВЬЕ ЗА ШИВЕРАМИ — ПОРОГАМИ — РЕКИ ИНДИГИРКИ БЫЛО ПОСТАВЛЕНО В 1639 ГОДУ И ВСКОРЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ГОРОДОК ЗАШИВЕРСК. В 1676 ГОДУ ОН ОБЗАВЕЛСЯ КРЕПОСТЬЮ. ЗАШИВЕРСК СЛУЖИЛ БАЗОЙ ДЛЯ СБОРЩИКОВ ЯСАКА И ЭКСПЕДИЦИЙ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ. НО В КОНЦЕ XIX ВЕКА ГОРОДОК БЫЛ ВЫКОШЕН ЧЕРНОЙ ОСПОЙ — «ЗАШИВЕРСКОЙ ПОГАНЬЮ» — И ОПУСТЕЛ. ПО ПРЕДАНИЮ, ШАМАН ХОТЕЛ УТОПИТЬ В ПРОРУБИ СУНДУК С ПОВАЛЬНЫМ МОРОМ, А ЖАДНЫЙ ПОП ОТНЯЛ У НЕГО СУНДУК И ОТКРЫЛ, ВЫПУСТИВ СМЕРТЬ НА ВОЛЮ.

Совсем иначе выстроило отношения с русскими Кодское княжество на нижней Оби. Кодский князь Алача принял русское подданство еще от самого Ермака; поскольку Кода была бедна пушиной, ясак ей заменили воинской службой; из Москвы на Коду даже высылали хлебное жалованье. Дружина остяков-кодичей ходила в походы вместе с казачьими отрядами, подавляла мятеже вогулов на Пелыме и приводила к покорности тунгусов на Енисее. Но крещеные кодские князья содержали при себе шаманов, плели заговоры против русских и обирали соплеменников. В конце концов остяки Коды восстали против своих владык; в 1643 году русские власти упразднили княжество, а князей сослали на вечное жительство в Россию. Опустевший Кодский городок, бывшая столица, был превращен в Кодский монастырь.

Русские не переделывали инородцев под себя: принимали их такими, какие есть, и старались получить от них выгоду, не нарушая их образа жизни. Русские понимали, что образ жизни инородцев обусловлен не «отсталостью», а суровыми условиями Сибири, и вторгаться в него — значит погубить. Никто не навязывал инородцам новых князей, никто не требовал переменить обычаи, не принуждал перейти от охоты к земледелию и принять православие (хотя бы по той причине, что попов не хватало и самим русским).

Обычно отношения с аборигенами складывались так. Князья являлись к русским в острог и «давали шерть» — приносили присягу. Воеводы назначали ясак. Князья оставляли в остроге аманатов — заложников из своего рода; их поселяли в особых «аманатских избах». Время от времени аманатов меняли, и те, кто уже освоился у русских, переносили русские нормы в жизнь своего народа. Так осуществлялась «русификация сверху». А «русификация снизу» протекала на бытовом уровне, когда русские и аборигены, живущие бок о бок, перенимали друг у друга приемы охоты и ведения хозяйства, осваивали язык и рождались через браки. Сближение народов было обоюдным.

Высшим свидетельством интереса русских к инородцам стала книга Семена Ремезова «Описание сибирских народов». Ремезов завершил ее в 1698 году. Увы, она не дошла до наших дней и известна только в цитатах. Ремезов составил обширный свод сведений о коренных жителях Сибири. Никто не заставлял его заниматься этим делом; книга Ремезова родилась из народного понимания ценности и равнозначности всех этносов этой земли.

Из всех землепроходцев самым неукротимым и самым деятельным был, пожалуй, Ерофей Хабаров. В его судьбе — «сила и слава» землепроходцев, «блеск и нищета» их дерзкого и свободного промысла.

Город Великий Устюг породил трех титанов «сибирской конкисты»: Ерофея Хабарова, Семена Дежнева и Владимира Атласова. Устюг принялся подсчитывать сибирские барыши уже в начале XVII века. Через этот город шли караваны из «златокипящей» Мангазеи. Исхлестанные северными ветрами, суровые красно-рожие купцы вели по улицам длинные обозы, нагруженные тюками, и не обращали внимания, что их драгоценные длиннополые шубы загибают на дороге снег и грязь. Мальчишки, галдя, бегали вдоль обозов, надеясь на какое-нибудь копеечное поручение от пушных владык. Мужики толпились по обочинам, на глазок прикидывая доходы таежных воротил.

Устюжан волновали слухи, что через Мангазейскую таможенную проходит в год столько шкурок, что их цена перекрывает годовую прибыль всего царского двора, а каждый вложенный в пушной промысел рубль дает аж 32 рубля прибытку. Устюг был растревожен надеждой на фарт. Крестьяне бросали пашни и подражались на извоз к сибирским купцам или целыми семьями отправлялись за Камень добывать соболя и горностая.

Крестьянский сын Ерофей Хабаров тоже верил в несметные богатства Сибири. В двадцать лет он оставил на отцовское попечение жену и дочь и отправился за удачей. В помощники он взял младшего брата Никифора.

Хабаров был по натуре лидером. Он имел свой план. Он знал, что парой рук ничего не добиться, и организовал артель. В 1629 году в Тобольске братья наняли пятерых работников и двинулись в Заполярье — на Таймыр. Никифор с мужиками исчез в темном мороке тундры, а хитрый Ерофей остался в Хетском зимовье работником на таможене. И через год, когда артель Никифора вернулась, таможенник Ерофей проследил, чтобы своя добыча не превратилась в чужую выгоду. Братья привезли в Тобольск 320 соболей.

В это время мангазейский воевода Палицын задумал основать еще одну «Мангазею»; он предложил царю послать на реку Лену охочих людей, чтобы стреляли там зверя, собирали ясак и ставили новые остроги. Азартный Хабаров сразу написал челобитную с просьбой отправить его на Лену.

На этот раз он нанял уже 27 работников и добился помощи от казны. В 1632 году он добрался до Усть-Кутского острога. Несколько лет артель Хабарова промышляла вдоль Лены и ее притоков. Однако прибыльное место пусто не бывает: фарт Хабарова привлекал толпы промышленников, Усть-Кут разрастался, и вскоре промысел лишился прежних барышей.

Но Хабаров был настоящим бизнесменом. Раньше многих прочих он понял, что Сибирь жива не пушиной единой, и придумал себе новое дело. Для выделки пушнины требовалась соль. Неподалеку от Усть-Кута Хабаров обнаружил соляное месторождение и построил варницы. К 1639 году артель Ерофея обеспечивала солью все окрестные остроги и город Якутск. Простой устюжский крестьянин превратился в магната. Его работники варили соль, возили товары через Ленский волок, ловили рыбу и растили хлеб. Хабаров стал крупнейшим хлеботорговцем в Якутском уезде; он планировал собирать по тысяче пудов хлеба в год, чтобы обеспечивать главные рынки Сибири. А еще Ерофей занялся изучением бассейна Лены и составил лоцию.

Но замыслам Хабарова помешали якутские воеводы Головин и Глебов. Они отобрали у Хабарова пашенные земли и соляные варницы, в казну были отписа-

ны 3000 пудов Ерофеева хлеба. Хабаров потерял почти все. Но он не опустил рук. В 1641 году упрямый Хабаров ушел от Якутска на тысячу верст и на реке Киренге (притоке Лены) основал селение, которое потом назовут Хабаровкой. Здесь Ерофей завел мельницу и начал бизнес заново.

ГОРОД ВЕЛИКИЙ УСТЮГ СТОИТ НА СЛИЯНИИ РЕК СУХОНА И ЮГ, У ИСТОКОВ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ. ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ К БЕЛОМУ МОРЮ ПРОЛЕГАЛ ГЛАВНЫЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ РОССИИ В ЕВРОПУ, А ГЛАВНЫМ ТОВАРОМ БЫЛА ПУШНИНА. ПОЭТОМУ МНОГИЕ ВОЛЬНЫЕ И ПРЕДПРИИМЧИВЫЕ ЖИТЕЛИ УСТЮГА УСТРЕМЛЯЛИСЬ НА ВОСТОК, В СИБИРЬ — К ПУШНОМУ ПРОМЫСЛУ, КОТОРЫЙ ПРИНОСИЛ МАКСИМАЛЬНЫЙ ДОХОД. И ВКЛАД УСТЮЖАН В ОСВОЕНИЕ СИБИРИ ПРЕВОСХОДИТ ВКЛАДЫ ВСЕХ ДРУГИХ ГОРОДОВ РОССИИ.

Памятник Ерофею Хабарову
в Великом Устюге

Якутские воеводы не оставили Хабарова в покое — слишком сильный конкурент. У него был огромный, самый упрямый авторитет, и сибиряки охотно нанимались к нему в работу под любое начинание. Воеводы изыскивали способ прижать Хабарова. В 1643 году он отказался платить лишние подати в казну, и воеводы снова отобрали у него все имущество. Самого Хабарова без суда и следствия бросили в Якутске в тюрьму, и он просидел там два с половиной года.

В 1858 ГОДУ В ГОРОДЕ АЙГУНЬ РОССИЯ И КИТАЙ ЗАКЛЮЧИЛИ ДОГОВОР, ПО КОТОРОМУ ЛЕВЫЙ БЕРЕГ АМУРА ОТХОДИЛ РОССИИ. НА НОВООБРЕТЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ, КАК РАЗ НАПРОТИВ АЙГУНЯ, СОЛДАТАМИ БЫЛ ОСНОВАН ЛИНЕЙНЫЙ ПОСТ — ПОГРАНИЧНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ. В ЧЕСТЬ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА ЕГО НАЗВАЛИ ХАБАРОВКОЙ. С ЭТОГО ПОСЕЛЕНИЯ И НАЧАЛСЯ ГОРОД, УВЕКОВЕЧИВШИЙ ИМЯ СТАРИННОГО ЗЕМЛЕПРОХОДЦА.

Он вышел на волю худой, измученный, но несломленный. Он вернулся на Киренгу и за четыре года выправил свой бизнес: нанял работников и приказчика и построил другую мельницу. Но он понимал, что богатеть подле якутских воевод — все равно что курить на бочке с порохом. В это время Сибирь наполнилась слухами о далекой стране Даурии и большой рыбной реке Амур. В светлых лесах там несметно соболей, а на теплых пашнях — тяжелые золотые колосья; там растут арбузы, на кедрах висят лианы, а в зарослях дикого винограда бродят тигры. Экспедиция Пояркова подтвердила слухи о благодатной земле. И Хабаров опять услышал зов свободы и фарта.

Он написал в Якутск новому воеводе Францбекову послание, что знает короткий путь на Амур, и просил отпустить с ним людей, которых наберет «на свой кошт». Правда, «кошта» у него не было. Однако он верил в себя и привык

рисковать. Под габительские 50% он занял деньги у Францбекова и с отрядом в 70 человек весной 1650 года добрался до Амура. Хабаров рассчитывал на богатую добычу, которая с лихвой окупит его расходы, и на то, что государь наградит его за новых подданных. Но дауры, прослышав о приближении русских, покинули свои селения. Их городки со стенами, башенками и подземными ходами стояли пусты. Закрома были полны зерна и припасов, и Хабаров заполучил добычу для своего отряда, но понял, что дауры не горят желанием присягать русскому царю.

Ерофей отправился в Якутск за войском, хотя бы небольшим, и осенью того же 1650 года отряд новоиспеченного «приказного человека» Хабарова вторгся в Даурию. Три года молотцы Хабарова шныряли по Амуру, покороляли дочерских и даурских князей, брали аманатов, отнимали скот, пушнину и припасы. Хабаров был словно опьянен солнечными плесами Амура, удачей и воздухом свободы. Он не думал о последствиях своих деяний: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!..» Ерофей попросту распоясался. Его собственные товарищи написали «ябеду» о его притеснениях, и Хабарова арестовали. В цепях, как злодея, его отправили в Москву, а в дороге избили и ограбили.

Но упрямый Ерофей никогда не сдавался. В столице он сумел передать царю челобитную, в которой рассказал, что он совершил на Лене и Амуре. Алексей Михайлович был поражен одиссеей землепроходца. Он наградил Хабарова званием сына боярского, но денег и имущества все же не вернул. За свои даурские подвиги Хабаров остался должен казне четыре тысячи рублей.

И еще долгих восемнадцать лет Хабаров жил на суровой Лене, надеясь вырваться на благословенный Амур, построить там острог и заняться хлебопашеством. Но на все просьбы он получал отказ. В 1671 году Ерофей Хабаров умер в своей Хабаровке, так и не увидев сияющей реки, о которой мечтал. На Амур он возвратится только посмертно, когда его именем назовут новый город.

САМЫЙ ХИТРЫЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА

Служилый человек Семен Дежнев совершил великое географическое открытие. Но в личности и судьбе Дежнева нет ничего исключительного: Дежнев не герой и не титан духа. Его обыденность и приземленность словно поясняют, что подвигом была сама жизнь русских первопроходцев.

Дежнев родился в Великом Устюге в 1605 году. Лет в 20 или 25, как и многие устюжане, он отправился за удачей в Сибирь. Поверстался в казаки в Тобольске, потом перешел в Енисейск, а в 1638 году — в Якутск. Обзавелся хозяйством и женился на якутской красавице Абакаяде Сючю, у них родился сын Любим. По приказу воеводы Дежнев собирал ясак на дальних реках — на Яне, Алазее и Индигирке, сражался с тунгусами и юкагирами — «неясачными непослушниками». Стал начальником Нижнеколымского зимовья.

По северным острогам и зимовьям Якутского воеводства ползли слухи о том, что где-то на востоке есть река Анадырь; соболей там неисчислимо, а при устье в «окиан» уходит валунная осыпь-корга, на которой живут тысячи моржей. Опасность заключалась в том, что тундра между Колымой и Анадырем принадлежала воинственным чукчам: чукчи не пропустили бы русских, и проще было обогнуть их злую страну морем. Дежнев вступил в товарищество, которое снарядило шесть кочей. В 1648 году флотилия вышла в Ледовитый океан. Три суденышка почему-то отделились и отправились каким-то своим путем, а три других поплыли вдоль берегов Чукотки.

ПАМЯТНИКИ ДЕЖНЕВУ РАЗДЕЛЕНЫ ТЫСЯЧАМИ КИЛОМЕТРОВ. САМЫЙ ЗАПАДНЫЙ УСТАНОВЛЕН В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ В 1972 ГОДУ. А САМЫЙ ВОСТОЧНЫЙ БЫЛ ПОСТРОЕН В 1956 ГОДУ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЧУКОТСКОГО ПОСЕЛКА УЭЛЕН НА СКАЛАХ МЫСА ДЕЖНЕВА. ЭТО МАЯК — ЧЕТЫРЕХГРАННАЯ БАШНЯ ВЫСОТОЙ 16 МЕТРОВ, В НИЖНЕЙ ЧАСТИ КОТОРОЙ СТОИТ БРОНЗОВЫЙ БЮСТ ЗЕМЛЕПРОХОДЦА.

Ветер надувал паруса, и через месяц мореходы увидели скалистый и высокий «Необходимый нос», то есть мыс, который нельзя обойти (сейчас он называется мысом Дежнева). За «носом» море укатывалось к югу — это был пролив (сейчас он называется Беринговым). Кочи свернули в пролив. Однако началась буря. Она раскидала русские суда в разные стороны. Один коч разбился о скалы и погиб. Другой коч — его вел казак Федот Попов — унесло неведомо куда. А коч Дежнева, помотав, выбросило на берег. Десять недель Дежнев со товарищи, голодая, упрямо брели на полудень к Анадырю. До цели добралось только 12 человек. Они построили крепкое зимовье, будущий Анадырский острог, и принялись собирать ясак с юкагиров. В 1650 году к зимовью Дежнева пешком пробились казаки с Колымы. Связь с «большой землей» была восстановлена. Дежнева избрали начальником поселения, и на Анадыре он прожил еще двенадцать лет. В 1662 году он наконец-то вернулся в Якутск и привез почти 300 пудов моржового клыка на сумму 17 340 рублей.

Увы, никто тогда не понял, что Дежнев нашел конец Евразии — пролив, отделяющий Евразию от Америки. Дежнев и сам этого не понял. Русские не решились использовать пролив для сообщения с Анадырем: бешеные воды, ненадежно. И о проливе забыли. Его значение оценит лишь Витус Беринг, который пройдет этим путем через 80 лет после Дежнева — в 1728 году.

А Дежнев продолжал службу, как и прежде. Видимо, он был человеком не только отважным, но и добродушным. Конечно, Дежнев немало сражался с инородцами и раз десять был ранен в схватках, но больше его ценили за умение договариваться — с товарищами, с начальством, с инородцами. По всей вероятности, Семен Дежнев попросту был изрядным хитрованом.

ЖЕНОЙ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА БЫЛА ЯКУТКА АБАКАНЬ — АБАКАЯДА СЮЧЮ. ВЕРНАЯ АБАКАЯДА ЖДАЛА МУЖА В ЯКУТСКЕ ВСЕ ГОДЫ, КОТОРЫЕ ДЕЖНЕВ ПРОВЕЛ НА АНАДЫРЕ, НО, ВИДИМО, ТАК И НЕ ДОЖДАЛАСЬ. ЕЕ ПРЕДАННОСТЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ЛЕГЕНДУ ЯКУТИИ. А ЛЮБИМ ДЕЖНЕВ, СЫН СЕМЕНА И АБАКАЯДЫ, ТОЖЕ СТАЛ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕМ. ОН СЧИТАЕТСЯ ПЕРВЫМ САХАЛЯРОМ — ТО ЕСТЬ СРАЗУ И РУССКИМ, И ЯКУТОМ.

Служилым людям часто задерживали жалованье, потому что у местных воевод не было денег. Самым верным способом получить заработанное была поездка в Москву: надо самолично бить челом главному дьяку Сибирского приказа или царю-батюшке. А за время анадырской эпопеи казна задолжала Дежневу 126 рублей 20 копеек — огромные деньги. И якутский воевода с пушным караваном отправил в столицу Семена Дежнева.

В Москву он прибыл в 1664 году. Но жалованье деньгами ему выдали только на треть, а остальное — сукном: мол, сам загонишь кому-нибудь в Якутске. А за моржовую кость, которую он привез на продажу, заплатили второсортными соболями; пришлось сбывать их в Москве и по дешевке. Дежнев решил отыгаться. Вместе с напарником Иваном Ерастовым он должен был доставить в Якутск жалованье служилым — три тысячи рублей. А Дежнев и Ерастов на тысячу рублей само-

вольно купили того же сукна, чтобы в Якутске этот товар выдали служилым в счет жалованья, но по высоким сибирским ценам, и разница между якутской и московской ценой попала бы в карман прохиндеям. Трюк не прокатил. Ерастову прописали батогов, а вот Дежнев, умеющий договариваться, как-то отвертелся от возмездия.

Еще понемногу он послужил на реках Оленек, Яна и Виллюй, однако ему уже перевалило за 60 лет, и пора было подумать о спокойной старости. Дежнев ухитрился опять втереться в доверие к якутскому воеводе, и в 1671 году тот вновь отправил его в Москву с пушным караваном. Теперь Семен Иванович надеялся только на свою изворотливость. Караван Дежнева двигался «мешкотно и оплошно». В долгой дороге Дежнев срезал печати на тюках с пушшиной и подменил меха: себе взял хорошие казенные шкурки, а в тюки пихнул «свои худые соболи и недособоли драные и без хвостов». Чтобы уловка не раскрылась, Дежнев подмочил грузы. Вероятно, что и служители таможен приняли от него «на лапу», потому что пропускали его дальше с богом, а не сажали под стражу за «поруху», хотя и видели, что мешки «подралися и попоролися», и в них явно «хожено». Вину за ущерб свалили на дожди и на мышей. Дежнев благополучно сдал порученные ему товары в казну. Претензий к нему не имелось. И Дежнев исчез в Москве.

Служилые люди выходили в отставку после 60-ти, и благополучие в Сибири им не светило. Тощая корова, хромая лошадь, неурожайное поле и труд от зари до зари. Разве это безбедная жизнь? В Москве проще, сытнее. И премудрый Семен Дежнев, сжульничав в казенном караване, подготовил себе теплое местечко для последних лет. Умер он вроде бы в 1673 году.

Житейская история, даже трогательная в своей беззлой хитрости. Но над ее бытовым простодушием возвышается громада великого открытия.

БРОНЯ ГЕРОЯ

ИСТОРИЯ КОЛЬЧУГИ ЕРМАКА

В 1658 году в Тобольск приехал посольство знатного джунгарского тайши Аблая. Аблай просил воеводу отдать ему «панцирь Ермака». Тайша собирался в военный поход на казахов и хотел иметь волшебный доспех, который, по убеждению инородцев, приносит победу своему хозяину.

Ермак погиб в 1584 году. Татары выловили в Иртыше его тело и сняли с мертвого Ермака две кольчуги. Одну кольчугу они отдали остякам, и те увезли ее на Белогорское святилище в дар идолу Обского Старика. Другую кольчугу забрал себе мурза Кайдаул, и теперь она хранилась у сына мурзы Бек-Мамета. Эта кольчуга, подарок Ивана Грозного, была «бита из железа в пять рядов», с медными



Памятник Семену Дежневу и Абакаяде Сючю
в Якутске



Рисунок посольства Ульяна Ремезова из «Истории Сибирской»

рукавами и подолом, с золотым орлом на груди и «печатами меж крылец» — с медными медальонами на лопатках.

Абла́й по своему опыту знал о том, что Ермак — чудотворец. В детстве Абла́й тяжело заболел, и его исцелила земля с могилы Ермака. После этого отец Аблая пожелал купить у татар и панцирь Ермака; он предложил Бек-Мамету огромную плату: десять семей ясыря (рабов), 50 верблюдов, 500 лошадей, 200 коров и тысячу овец. Но Бек-Мамет отказал. И теперь Абла́й просил панцирь у тобольского воеводы, который мог надавить на татарина.

ЭТОТ МЕДНЫЙ ЗНАК БЫЛ НАЙДЕН ЭКСПЕДИЦИЕЙ ТОВОЛЬСКОГО АРХЕОЛОГА-ЛЮБИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ПИГНАТТИ ПРИ РАСКОПКАХ НА ИСКЕРЕ. НА ЗНАКЕ НАДПИСЬ: «КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВА ШУЙСКОГО». ТАКИМИ ЗНАКАМИ «МИШЕНЯМИ» УКРАШАЛИ КОЛЬЧУГИ, А КОЛЬЧУГУ КНЯЗЯ МОГ НОСИТЬ ТОЛЬКО ЕРМАК. ПО ЛЕГЕНДЕ, КОЛЬЧУГУ ШУЙСКОГО ЕРМАКУ ПРИСЛАЛ В ПОДАРОК САМ ИВАН ГРОЗНЫЙ.

В 1658 году воевода Алексей Буйносов-Ростовский не рискнул отдать реликвию без санкции царя. Но в 1660 году тайша Абла́й прислал второе посольство. В то время в степях было очень неспокойно, и русские власти нуждались в расположении тайши, потому что через его аймаки караваны бухарцев ходили в Среднюю Азию и Китай. И воевода Иван Хилков решил подарить панцирь Ермака Аблаю. Со святыней из Тобольска в Барабинскую степь отправилось посольство служилого человека Ульяна Ремезова.

Ульян Ремезов был служилым «по отчеству», то есть потомственным. Его поверстали на место отца — Моисея Ремезова. До Сибири Моисей был доверенным человеком самого патриарха Филарета, но чем-то не угодил ему и загремел в Тобольск. Здесь он быстро вошел в служилую элиту: водил кочи с грузами в Мангазей, Нарым, Томск, и Енисейск, возглавлял посольство к джунгарскому контайше Батуру. Однако нрав у Моисея был вспыльчивый, а рука тяжелая, и однажды в споре он зарубил какого-то казака. Воевода приказал не ставить Ремезова командиром; но людей не хватало, а Моисей к тому же знал грамоту, и потому сохранил высокое положение. Его наградили покосами и пашнями, и он завел себе

деревеньку с крепостными. Умер он во время поездки в Москву в 1647 году. Его сыну Ульяну было тогда 28 лет.

Посольство Ульяна Ремезова вышло из Тобольска 18 июля 1660 года. Служилые ехали на конях и верблюдах. Путь занял полгода. В «урге» — джунгарском кочевом лагере — послов ожидали джунгарские тайши Аблай и Лаузан и татарский хан Девлет-Гирей, чингизид, — главные враги русских в Сибири. Однако встреча получилась радушной. Ульян Ремезов договорился со степняками о мире.

Аблай наконец-то получил заветную кольчугу, расчувствовался и выдал Ремезову татарский секрет, что могила Ермака находится на Баишевском кладбище. Ульян записал слова тайши и попросил Аблая заверить запись печатями. Этот уникальный документ известен как «сказка» Аблая.

Ремезов возвратился в Тобольск в конце лета 1661 года и привел с собой барабинских татар, которых джунгары отпустили из плена. За успех миссии с панцирем Ермака — по иронии судьбы — Ремезов получил в награду другой панцирь. Воевода Хилков назначил Ульяна сотником рейтаров — всадников в броне и с огнестрельным оружием. Правда, расходы, которые в дороге понес Ульян, ему не компенсировали, и семья Ремезовых оказалась разорена. Зато русские узнали, где похоронен Ермак. А сын Ульяна Ремезова Семен потом опишет посольство отца в своей «Истории Сибирской».

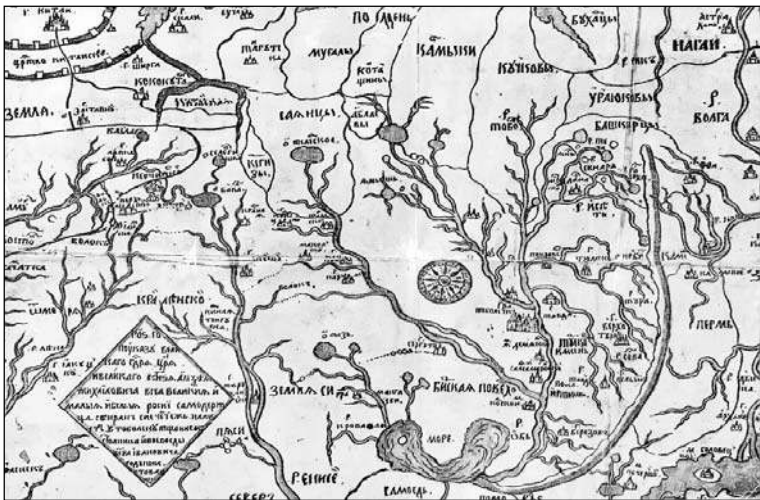
КОЛЬЧУГА ЕРМАКА ЭКСПОНИРУЕТСЯ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. ИЗНАЧАЛЬНО КОЛЬЧУГА ПРИНАДЛЕЖАЛА ВОЕВОДЕ ПЕТРУ ШУЙСКОМУ, КОТОРЫЙ БЫЛ УБИТ В БОЮ ПОД ОРШЕЙ В 1564 ГОДУ. ДОСПЕХИ ШУЙСКОГО ПОСТУПИЛИ В ЦАРСКИЙ АРСЕНАЛ. КОЛЬЧУГИ ЦЕНИЛИСЬ ОЧЕНЬ ДОРОГО И СЧИТАЛИСЬ ПРЕСТИЖНЫМИ ПОДАРКАМИ. КОЛЬЧУГА ШУЙСКОГО СВИТА ИЗ 20 000 КОЛЕЦ И ВЕСИТ ОКОЛО 16 КГ. НА ГРУДИ У НЕЕ — ДВЕ МЕДНЫЕ БЛЯХИ-«МИШЕНИ»; ТОЧНО ТАКУЮ ЖЕ «МИШЕНЬ» НАШЕЛ НА ИСКЕРЕ АРХЕОЛОГ ПИГНАТТИ.

Но, увы: мир со степняками будет непрочным, и уже в 1662 году Девлет-Гирей снова объявит русским войну. А кольчуга Ермака не поможет тайше Аблаю. Аблай ввяжется в борьбу с калмыками. Поначалу — в 1671 году — он даже разгромит войско тайши Дайчина, сына Хо-Орлюка и властителя калмыков, и отправит пленника в Лхасу, откуда Дайчин уже не вернется. Но потом внук Дайчина Аюка, будущий великий хан калмыков, совершит поход возмездия на Аблая, разобьет его войско, возьмет Аблая в плен и выдаст русским. В 1674 году пленный Аблай умрет в заточении в башне Астраханского кремля. По преданию, панцирь Ермака достался Аюке, и хан подарил его России. Этот панцирь ныне хранится в Оружейной палате.

«САМОТРУДИЕМ» ВОЕВОДЫ **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ГОДУНОВА**

Весной 1667 года в Тобольск прибыл новый старший воевода — стольник Петр Годунов. Девять лет назад он уже повоеводил в Брянске и знал, что это за дело такое — воеводство. «Товарищем» Годунову назначили князя Федора Бельского. Современные историки до сих пор не определились, кем же был Петр Годунов: великим реформатором или великим комбинатором.

Годунов кипел проектами преобразований. Он сразу взял быка за рога. Из Тобольска во все стороны полетели отряды служилых, чтобы провести генеральную перепись городов и слобод, а дьяки заметались в поисках ржавых ключей, чтобы достать из старых сундуков ветхие дозорные книги с планами уездов. Самые уме-



Карта воеводы Петра Годунова

лые рисовальщики засели за составление карт. Среди этих мастеров был служилый Ульян Ремезов и, возможно, его сын Семен — будущий картограф Сибири. Уже к осени «самотрудием» Годунова Большой Чертеж Сибири был завершен. К Чертежу прилагался длинный сопроводительный текст — «Роспись». Сибирь впервые увидела саму себя целиком, будто с космической орбиты. Об этом небывалом произведении Семен Ремезов скажет: «Се первое чертежное описание Сибири. Сибирским жителям в великое удивление, яко много лет неведомы орды сосед».

Для защиты от «орды сосед» воевода Годунов задумал соорудить первую в Сибири Засечную черту — линию из острогов и лесных завалов, которая преградила бы степнякам путь на русские селения. Эта грозная черта должна была начаться на Тоболе у Тарханского острожка возле устья Туры; далее она прошла бы до Ялutorовской слободы, потом вверх по реке Исети через Шадринский острог, Далматовский монастырь и Катайский острог, а потом по речкам Синаре и Каменке до Чусовой. В длину полоса укреплений вытянулась бы на 472 версты. Годунов планировал «встроить» в нее шесть новых крепостей. Заселить их можно было бы казаками, которые служат «за свой кошт» (на «самоокупаемости»), потому что особождены от налогов.

Длинные руки Годунова дотянулись и до служилого войска. Рейтары «иноземного строя», которых восемь лет назад завел воевода Хилков, не годились для борьбы со стремительными степными конниками: всадники в латах были медлительны и неуклюжи, а плату получали щедрую. Годунов заменил их драгунами — легкой кавалерией (причем драгуны могли сражаться и пешими). Жалованье драгунам уменьшили, но дали земельные наделы.

Разумеется, реформы требовали денег. Годунов принялся раздавать в откуп все, что можно, начиная с «зерновых кабаков», где под бражку играли на деньги в карты и в кости, и заканчивая, например, выгодной должностью дворника на Гостинном дворе. Чтобы отбить у Верхотурья пушной торг, Годунов устроил небольшую войну: тобольское войско без смущения взяло в осаду верхотурскую крепость, и воевода Иван Колтовский, изумленный до предела, два месяца держал оборону от своих — русских. Но опорой экономики Петра Годунова стали неукротимые «прибыльщики». Им воевода дал полную волю. Годуновские «наушники» устроили в Тобольске сущее беззаконие. Они заставляли горожан подписывать «неве-

домо какие» челобитные и не гнушались подлогами в документах: одним «убавляли оклады», «которые за кровь и за раны пожалованы», а другим прибавляли подати. Они устраивали поборы и присваивали земли. Они заводили слободы, притесняя инородцев, и обирали проезжих купцов, придумывая для них новые пошлины.

Впрочем, многие предприятия Петра Годунова были вполне разумны. Воевода унифицировал в Сибири систему мер и весов: например, привез из Москвы две железные «заорленные» (то есть с государственной печатью) сажени и обязал купцов привести свои сажени в соответствие с казенными. В Тобольске Годунов организовал производство канатов, необходимых для развития речного флота. По его указу Новую Мангазею — Туруханск — стали снабжать хлебом из Енисейска, а не из Тобольска, что выходило куда дешевле. Неугомонный воевода даже составил «Ведомость о Китайском государстве» — большой свод разведанных, которым российские послы пользовались тридцать лет. При Годунове Сибирь давала Москве доход в 60 000 рублей в год — весьма немало.

КАРТА ВОЕВОДЫ ГОДУНОВА ВЫГЛЯДИТ НЕ СЛИШКОМ СОЛИДНО. ВРЯД ЛИ СТОИЛО ПРИЛАГАТЬ ТАКИЕ МАСШТАБНЫЕ УСИЛИЯ, ЧТОБЫ СОЗДАТЬ ПОДОБНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ВЕРОЯТНО, «КАРТА ГОДУНОВА» БЫЛА АТЛАСОМ, СБОРНИКОМ РАЗНЫХ КАРТ, А ИМЕЮЩАЯСЯ НЫНЕ КАРТА — ЕГО ВВОДНЫМ, ОБЗОРНЫМ ЛИСТОМ.

Но сам по себе стольник Годунов был чванливым самодуром. Когда он шел в церковь, на площадь перед храмом выкатывали пушки. Когда он являлся в Приказную палату, улицу перекрывал караул, чтобы прохожие не мешали, причем даже в лютую стужу караульные стояли без шапок. Многие тоболяки были принуждены работать на воеводу как холопы. А младший воевода Бельский не выдержал спеси своего начальника и сбежал в Москву.

В конце концов, в июне 1670 года делегация тоболяков привезла царю многочисленные жалобы и «ябеды» на Годунова и его «прибыльщиков». Это оказалось очень вовремя: царь и Боярская Дума опасались посадских бунтов, вызванных слухами о Стеньке Разине. В Тобольске помчались государевы «сыщики». Было допрошено 673 человека. В сентябре Годунов был отозван с воеводства. Он поехал на суд в Москву, но в дороге — то ли в Свияжске, то ли в Костроме — умер от огорчения и обиды. Былых «наушников» воеводы, реформаторов-лихоимцев, разослали в ссылки по городам Тобольского разряда. «Боярским приговором» реформы Петра Годунова были отменены.

Главным достижением провального преобразователя остался Большой Чертеж Сибири. И охотнее всего эту заслугу признавали иноземцы — шведы. Они трижды тайком копировали карту Годунова: в 1669 году это сделал кондуктор фортификации шведского посольства Кюлоус Прютц, в 1670 году — сам глава посольства Фритц Кронеман, а в 1673 году — Эрик Пальмквист, шведский военный агент в составе посольства. А Сибирь жила как прежде. Изменить ее жизнь сможет лишь Петр, рангом повыше Годунова — царь.

СВОЯ ЕПАРХИЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ

Сибирь XVII века стала труднейшим испытанием для Церкви. Сибирь спросила у Церкви напрямую: а нужна ли ты? А не проще ли без тебя? В первые два десятилетия после похода Ермака Сибирь числилась за Вологодской и Пермской епархией, епископская кафедра которой находилась в Вологде. Но управлять То-

больском, Обдорском или Тарой из Вологды было невыслимо. И скоро стало очевидно, что Сибири нужна своя епархия. Дело даже не в расстояниях. Сибирь порождала такие проблемы, каких не было на Урале или на Русском Севере. Их требовалось решать по-своему.

В 1620 году была учреждена Сибирская и Тобольская епархия — самая большая по площади и самая маленькая по числу храмов. Центром епархии определили Тобольск. Поскольку Сибирь заселялась в немалой степени выходцами с Русского Севера, епископом назначили новгородца — бывшего архимандрита Хутынского монастыря Киприана (Старорусенникова).

Первым же впечатлением владыка уловил суть сибирского нестроения: «По городам попы воры и бражники, да и быть им нелзе, толко быть им по велекой нужды, что переменить нечем». Среди паствы и среди пастырей царили невежество, насилие, корыстолюбие, пьянство и разврат. Киприан сразу переменял игуменов во всех обителях, но этого, конечно, было мало.

Народ погряз в бесчестии. Сибиряки молились как попало, перезабыв священные тексты, и не соблюдали постов. Торжествовало право сильного. Вольные люди на вольном промысле — в основном мужики — пили как черти. Души запутались в диких предрассудках. Иностранцы почитали своих шаманов, и русские по их примеру тоже скатывались в бытовое язычество: охотники опасались леших, рыбаки — водяных, крестьяне береглись от Коровьей Смерти, и даже воеводы приплачивали колдунам; на всякое дело имелись приметы и заклятья; слободы с округами кишми кишели домовыми, анчутками, икотками, овинниками, шиликунами, трясавицами, оборотнями, игошами, кощьями и шишигами. И попы в суеверии не отставали от народа.

Причина была в том, что священники и сами жили как простой народ. Духовенству назначали денежное содержание — «ругу», но обычно выплаты быстро прекращались, и воеводы просто отмеряли священникам земельные наделы. Попы превращались в землепашцев, и быт брал верх над бытием.

Деятельность архиереев в первую очередь была направлена на причт, а не на прихожан. Нужно было обеспечить попов средствами к существованию, а для этого надо было заставить воевод помогать Церкви, но не вмешиваться в ее дела. Надо было облагородить духовенство, и каждый новый архиерей вез с собой в Сибирь новых священников и монахов-книжников.

Некоторые архиереи пасовали перед масштабом проблем. Например, епископ Нектарий уже через два года после прибытия в Сибирь начал молить о переводе обратно в Россию.

ПАВЛИНСКУЮ БАШНЮ СТРОИЛ МАСТЕР ГЕРАСИМ ШАРЫПИН. ИЗНАЧАЛЬНО ЭТА БАШНЯ БЫЛА «РЯДОВАЯ», А НЕ УГЛОВАЯ. ПО ЛЕГЕНДЕ, ЕЕ НАЗВАЛИ ПАВЛИНСКОЙ НЕ ИЗ-ЗА МИТРОПОЛИТА ПАВЛА, А ИЗ-ЗА ФЛЮГЕРА В ВИДЕ ПАВЛИНА. ВИДИМО, БАШНЯ ПРЕЖДЕ БЫЛА ГОРАЗДО ВЫШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС, С РАСШИРЕНИЕМ СТВОЛА, С БОЙНИЦАМИ И МАШИКУЛЯМИ, — НО ВЕРХНЮЮ ЧАСТЬ РАЗОБРАЛИ, ЧТОБЫ УМЕНЬШИТЬ ДАВЛЕНИЕ НА НЕПРОЧНЫЙ ГРУНТ, ПОТОМУ ЧТО СОСЕДНЯЯ С ПАВЛИНСКОЙ УГЛОВАЯ ГРАНОВИТАЯ БАШНЯ ОТ ТЯЖЕСТИ СПОЛЗЛА С ОБРЫВА.

Некоторые архиереи, не сгибая выи, боролись с обстоятельствами. Например, архиепископ Симеон спорил с воеводой и ездил в Москву «за правдой»; за несговорчивость его даже на год отстраняли от служения. Некоторые архиереи обретали себя в дерзновенных затеях. Например, митрополит Павел взялся отстроить в камне Софийский двор — резиденцию иерархов. А некоторые архиереи в бесконтрольности Сибири поддавались соблазну. Например, архиепископ Герасим про-

славился своим жестокосердием и стяжательством, извлекая из своего положения всяческие выгоды для многочисленных родственников. Но каждый владыка оставил после себя что-нибудь важное и доброе: храм, монастырь, богадельню, крестный ход или освидетельствованную чудотворную икону.

Однако в течение всего XVII столетия Церковь в Сибири практически не занималась обращением инородцев в православие — одним из самых важных своих дел. Российская власть не могла покуситься на язычество «сибирцев», так как новокрещены переходили в разряд крестьян и меняли образ жизни, то есть выводились из промысловой деятельности, а пушнина была нужна государству позарез. У Церкви же не хватало денег на строительство храмов в стойбищах инородцев, а без храмов и постоянного надзора священников инородцы отпадали обратно в идолопоклонство. Поэтому Россия в Сибири вела себя веротерпимо: насильственное крещение было строго запрещено, а к обрядам инородцев относились с пониманием. Разорение капищ или могил считалось преступлением (святотатство порождало бунты), а клятвы инородцев по их обычаям приравнивались к клятвам на Священном Писании.

Крестили в основном невольников. Или же инородцы крестились сами по причине какой-нибудь выгоды: чтобы поступить на русскую службу, получить подарки или на время освободиться от выплаты ясака. Государство и Церковь привлекали инородцев к крещению прагматическими мотивами. Например, получить (купить или унаследовать) промысловое угодье от крещеного имел право только крещеный. Особенно инородцев воодушевляло то, что новокрещенам прощали все бывшие преступления, даже убийства. Но власть следила за новокрещенцами, чтобы те жили по христианским правилам, и за отступничество следовало жестокое наказание.

В 1701 году тобольским митрополитом стал малороссийский ученый Даниил Туптало, в монашестве — Димитрий. В то время он писал «Четьи-минеи» — свод житий святых. Слабый здоровьем, Димитрий не смог поехать в суровый Тобольск. В 1702 году его перевели в Ростовские митрополиты. Умер Димитрий в 1709 году. После Евангелий «Четьи-минеи» стали второй по распространенности книгой России. В 1757 году Димитрий был канонизирован. В 1760 году в честь нового святого была названа крепость — нынешний город Ростов-на-Дону.

Во второй половине XVII века успех Церкви стал уже очевиден. Во всех городах и острогах поднялись храмы. Монастырями обзавелись не только Верхотурье, Туринск, Тюмень и Тобольск, но и дальние города — Березов, Енисейск, Туруханск, Красноярск, Иркутск, Якутск, Кузнецк и Селенгинск. Сложилась «священнические династии»: сыновья продолжали служение попов-отцов, и нехватка духовенства ощущалась не так остро, как прежде. Воеводы научились уважать волю архиереев.

В 1667 году Сибирская епархия была преобразована в митрополию. Ее разделили на три разряда: Верхотурский, Тобольский и Енисейский; разрядами управляли настоятели самых крупных монастырей. В 1678 году разряды разделили на десятины, в каждой было примерно по десятку храмов. Хозяйственной жизнью десятин управляли десятильники, назначенные из числа «софийских детей боярских» — купцов и служилых людей «в отставке», которые нанимались в работы при Архиерейском доме. Они собирали подати для митрополита и вершили церковный суд. С десятильниками оказался связан последний церковный конфликт XVII века.

В феврале 1693 года в Тобольск прибыл новый митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Он принадлежал к знатному боярскому роду, был сторонником «московской старины» и охотно пророчил «самодержавство» правительницы Софьи. За это и поплатился. Когда Петр пришел к власти, Игнатий, архимандрит Новоспасского монастыря, отправился в Сибирь. Он оказался первым владыкой, для которого Сибирь стала почетной ссылкой.

Игнатий был по-боярски спесив, гневлив и нетерпим. Образованный человек, он устроил в древлехранилище Архиерейского дома библиотеку, но в митрополии учинил настоящий произвол. Его десятильники обложили свои приходы данью. Они избивали недовольных, отнимали земли (особенно у татар), а сами пили и блудили. Власти попровали унять опричников, и тогда Игнатий отлучил от церкви тобольских воевод Нарышкиных и дьяков Приказной избы. В Москву полетели ябеды и челобитные. Патриарх Адриан наказал лиходеев владыки Игнатия и отменил всех десятильников. Используя ситуацию, дьяк Андрей Виниус, глава Сибирского приказа, вообще снял все сибирское духовенство с государева жалованья.

В 1699 году Игнатия вызвали в Москву, и там с ним что-то случилось. Он вдруг обрушился с обличениями на все собрание высшего духовенства и даже на патриарха: проклинал иереев за потакание царю, который подчиняет церковь государству. Игнатия заключили в Симонов монастырь. Через год он умер. Ему было 62 года. По официальной версии, он сошел с ума, а в народе верили, что его заморил голодом по приказу Петра. Ремезов написал о нем: «И поехал к Москве, и тамо за слова замучен, аки Филип митрополит».

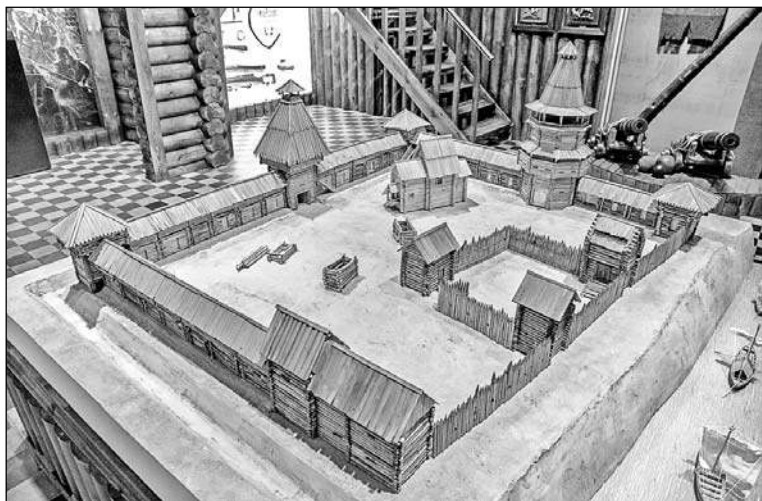
Петр сам взялся за выбор сибирских митрополитов. По настоянию государя в 1701 году на Сибирскую кафедру назначили новгород-северского архимандрита Димитрия (Даниила Туптало). Ему было всего 50 лет, и он был ученый-книжник. Однако Димитрий разболелся и почти год жил в Чудовом монастыре в Москве. В 1702 году Петр сжалился и перевел Димитрия в более благоприятный климат — в Ростов. А в Тобольск отправил митрополита Филофея (Лещинского). Конечно, Петр не знал, что с Димитрия начался ряд сибирских митрополитов, которые все станут святыми.

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ АМУРА *БОРЬБА КИТАЯ И РОССИИ ЗА АМУР*

В середине XVII столетия русские прорвались к могучей реке Амур — Реке Черного Дракона, как называли ее китайцы. Незадолго до русских — в 1640 году — войска династии Цин подавили сопротивление жителей Амура и казнили их князя Бомбогора; отныне богдыханы считали Черного Дракона ручным. Но русские нацелились отобрать у них добычу. В 1653 году сотник Петр Бекетов поставил в Даурии Нерчинский острог, а по Амуру принялся нагло шнырять отряд «пушкарского десятника» Онуфрия Степанова. Русские сдирали ясак с китайских подданных — солонов, дючеров, дауров и гиляков.

Китайцы не замедлили с ответом. Тунгусский князь Гантимур, данник богдыхана, в 1654 году сжег Нерчинский острог. А земледельцев-дючеров китайские власти переселили на реку Сунгари (приток Амура) под защиту крепости Нингута. Русские лишились провианта: грабить оказалось некого. Степанов сунулся на Сунгари, но пушки Нингуты отбросили казаков.

Однако русские не отцепились. Степанов и Бекетов быстро соорудили на Амуре Кумарский острог — базу для набегов на Сунгари. Весной 1655 года десяти тысячное китайское войско осадило твердыню лиходеев. Целый месяц цинская артиллерия во всю мощь лупила по Кумаре, но русские прятались за земляными



Макет Албазинского острога из музея села Албазино

валами. Китайцы в досаде отступили. Но и русские не могли остаться в острожке, ведь своего хлеба они не посеяли, надеясь на военную поживу. И казаки ушли в городок Албазин, построенный еще Хабаровым.

Три года русские разбойники из Албазина рыскали по Амуру, то и дело сталкиваясь с отрядами китайцев. Наконец в 1658 году китайцы подстерегли казаков Степанова на устье Сунгари. Степанов погиб в бою. Те его казаки, что уцелели при разгроме, бросили Албазин и вернулись в Якутск. Китайцы освободили Амур от русских. Пограничной крепостью теперь стал Нерчинск — в 1657 году его восстановил енисейский воевода Афанасий Пашков.

Но борьба за Амур не закончилась. В 1666 году пятидесятник Никифор Черниговский привел к Черному Дракону новый отряд и опять отстроил Албазин. Над Даурией сгустились тучи. В 1669 году пролетел слух, что Китай двинул на север армию в семь тысяч воинов. Армия якобы идет двумя путями: по реке Аргунь и через озеро Кайлар. Баргузинский, Телембинский, Илимский и Нерчинский остроги спешно укреплялись. Однако враги так и не пришли. И албазинцев не страшили угрозы империи Цин. Вокруг Албазина вскоре выросли два десятка слобод и монастырь. Семь лет Сибирский приказ не желал признавать Албазин, хотя албазинцы исправно отсылали воеводам пушной ясак. Лишь в 1672 году наглецы добились прощения, и в Албазин назначили казенного приказчика. Через десять лет на Амуре было учреждено Албазинское воеводство. После этого война стала неизбежна.

Русские посольства ни о чем не могли договориться с Китаем. Империя начала готовиться к ответному удару. В 1674 году китайцы воздвигли на Сунгари крепость Гирин — базу для своих войск. Лифаньюань натравливал на русские поселения кочевников-монголов. Степняки атаковали Удинский и Балаганский остроги и дважды пытались взять Иркутск (для его защиты на берегу Иркуты в 1676 году был поставлен небольшой Тункинский острожек).

ГОРОДОК АЛБАЗИН БЫЛ УНИЧТОЖЕН СОГЛАСНО НЕРЧИНСКОМУ ДОГОВОРУ В КОНЦЕ XVII ВЕКА. РУССКОЕ СЕЛЕНИЕ ВОЗВОСНОВИЛОСЬ ЗДЕСЬ ЛИШЬ ПОСЛЕ АЙГУНСКОГО ДОГОВОРА 1858 ГОДА. НО АЛБАЗИНСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА НЕ ДОРОСЛА ДО ГОРОДА, И НЫНЕ АЛБАЗИНО — НЕБОЛЬШОЕ СЕЛО.

С 2011 ГОДА НА МЕСТЕ ОСТРОГА ВЕДЕТ РАСКОПКИ ПОСТОЯННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. УЧЕНЫЕ ОПРЕДЕЛИЛИ ПОЛОЖЕНИЕ УКРЕПЛЕНИЙ И НАШЛИ БРАТСКУЮ МОГИЛУ ЗАЩИТНИКОВ. ПО ЧЕРЕПУ БЫЛ ВОССОЗДАН СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ АЛБАЗИНЦА.

В 1684 году воевода Леонтий Кислянский принял в Иркутске Серенчина Зорикту, посланца монгольского Очирой Саин-хана, данника китайцев. Хан требовал снести Селенгинский острог и отдать монголам бурят. Он угрожал, что скоро Сибирь будет покорена девяти тысячной армией богдыхана Канси. Воевода ответил, что русский царь никого не боится, и в насмешку вернул «мунгалам» их подарки: дескать, вы люди бедные, вам самим нужнее. Через год намерение Китая начать войну подтвердил и джунгарский Бошотту-хан.

Император Канси отправил на Амур армию в три тысячи человек. Армией командовал полководец Лантань. В июне 1685 года китайцы осадили Албазин. Обороной руководил воевода Алексей Толбузин. У него было около 400 бойцов и три пушки. Два дня китайцы бомбардировали Албазин из осадных орудий «лумпао». Острог не выдержал: частоколы полегли, башни рассыпались, амбары сгорели. Крепость была завалена убитыми. Но когда китайцы пошли на штурм, бревенчатые руины затрещали пальбой пищалей, а уцелевшие казаки выскочили с саблями. Китайцы отступили. Впрочем, Албазин уже не мог обороняться. Увидев, что китайцы готовятся ко второму приступу, Толбузин потребовал переговоров. Он выторговал для албазинцев право уйти в Нерчинск непобежденными. Лантань согласился. Китайцы пропустили русских, а потом снесли все сооружения Албазина и тоже ушли.

В Нерчинске Толбузина ожидало подкрепление. Разведчики донесли, что китайцы не тронули посеы вокруг Албазина, и Толбузин тотчас решил возвращаться. Теперь у него был десяток пушек и почти тысяча бойцов. В конце лета того же 1685 года русские опять заняли пустой Албазин, сняли с полей урожай и отстроили крепость, но теперь уже не острогом, а на новый манер — с «бастеями» и «болверками» (с бастиянами и куртинами).

Узнав о коварстве русских, богдыхан во второй раз направил к Албазину Лантаня. Летом 1686 года Лантань привел пять тысяч воинов и привез осадную артиллерию. Пушки-«драконы» обрушили на Албазин лавину огня, однако бомбардировка не достигла цели, хотя ядром был смертельно ранен воевода Толбузин. Оборону возглавил командир рейтаров Афанасий Бейтон, удинский приказчик. Китайцы пошли на приступ, но русские отбили штурм и даже сами совершили вылазку, едва не прорвавшись к шатру Лантаня.

Китайцы окружили Албазин траншеями и насыпали курганы, откуда их батареи гвоздили по городку. Русские укрывались в ямах. Бейтон оборонялся агрессивно и дерзко. Русские смело бросались за стены крепости в вылазки с «ручными ядрами» — гранатами, и взорвали подземный ход, который копали китайцы. Албазин отважно отразил и последний осенний натиск Лантаня, для которого китайцы соорудили из бревен огромные штурмовые агрегаты. Обозленный Лантань потерял почти половину своей армии.

Всю зиму тянулася изнурительная осада. У китайцев начался голод, а у русских — цинга. Китайцы не знали, что в Албазине к весне осталось лишь полторы сотни защитников. Но осада продолжалась. Лишь в августе 1687 года Лантань отдал приказ об отходе своего войска. В разбитом и залитом кровью Албазине к тому времени держать оружие могли только 25 человек.

После ожесточенных битв за Албазин и царю, и богдыхану стало ясно, что война за Амур — это тупик. Надо договариваться. Иначе нельзя.

Сражения за Албазин затянули русско-китайские отношения в такой тугой узел, что развязывать его российское правительство направило особую миссию боярина Федора Головина. Боярин выехал из Москвы в 1686 году в сопровождении стрелецкого полка. В Тобольске он навещил отца — воеводу Алексея Головина. До Забайкалья боярин добрался только через два года.

А китайцы решили раздавить посла психологически. В январе 1688 года Селенгинский острог, в котором находилось посольство Головина, был взят в осаду монголами — данниками империи Цин. Стрельцы готовились стоять насмерть. Иркутский воевода Алексей Синявин поспешно собирал по «присуду» ополчение из промышленных людей и верных бурят. Полковник Федор Скрипицын повел ополчение на Селенгинский острог и в марте 1688 года отогнал степняков от крепости. Однако Головин откровенно струхнул.

Переговоры с китайцами начались в августе 1689 года в Нерчинске. И китайская сторона была на них куда более представительной. Посольство возглавлял сам князь Сонготу — дядя императора Канси и правитель Китая в годы малолетства императора. Князя Сонготу оберегало войско полководца Лантаня; по численности оно вчетверо превосходило то войско, с которым Лантань штурмовал Албазин. Переговоры велись на латыни: у китайцев толмачами были два монахи-иезуита, у русских — поляк Ян Белобоцкий, поэт.

Русские хотели провести границу с Китаем по Амуру, а китайцы — по верховьям Лены, как было еще до Ерофея Хабарова. Спор зашел в тупик. Тогда китайцы начали давить силой. Лантань перевел свое огромное войско через речку Нерчу и окружил острог, нацелив на русских осадные пушки. А Нерчинский острог был укреплением не слишком-то надежным: частоколы и шесть бревенчатых башен, крытых тесом или дранью. И гарнизон острога был в двенадцать раз меньше китайского войска. Тогда Головин сломался. Он согласился провести границу по реке Аргунь и вершинам Станового хребта, согласился снести непокорный Албазин. Правый берег Амура стал полностью китайским, а левый берег — ничейным. Для русской стороны Нерчинский договор оказался, в общем, поражением, хотя потом Головина и наградили памятным знаком «в восемь золотых».

И русские ушли с Амура. Китайцы срыли «бастеи» и «болверки» Албазина и вытоптали поля, засеянные албазинцами. Защитники Албазина, попавшие в плен к Лантаню, так и остались в Китае. В Пекине им выделили небольшую «слободу» и отдали под церковь пагоду; их называли «русской ротой». Но утешало то, что война закончена, и теперь с империей Цин Российское государство могло общаться посредством посольских миссий.

В марте 1692 года из Москвы в Китай выехало посольство голштинского купца Избранта Идеса. Купец должен был выяснить у богдыхана, собираются ли китайцы соблюдать условия Нерчинского договора, а заодно и наладить торговые отношения с Китаем. Поэтому с Идесом ехали 22 приказчика и 130 «промышленных людей». Они везли товаров на 14 тысяч — моржовую кость и пушнину. Китайцы, кстати, брали далеко не все меха: например, чернобурых лис они считали очень некрасивыми и никогда не покупали.

ПОСОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ СТОИТ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ БАЙКАЛА В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ В 1651 ГОДУ БУРЯТЫ УБИЛИ ЦАРСКОГО ПОСЛА В МОНГОЛИЮ. В 1681 ГОДУ МОНАХИ ИЗ ГОРОДА ТЕМНИКОВА ОСНОВАЛИ ЗДЕСЬ МОНАСТЫРЬ. ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, ЧТО ОБИТЕЛЬ БУДЕТ СОДЕЙСТВОВАТЬ ОБРАЩЕНИЮ БУ-

РЯТ В ПРАВОСЛАВИЕ. СРЕДСТВА НА МОНАСТЫРЬ ПОЖЕРТВОВАЛ КУПЕЦ ГРИГОРИЙ ОСКОЛКОВ, ОДИН ИЗ «ВОЖАКОВ» КИТАЙСКИХ КАРАВАНОВ. САМ ОСКОЛКОВ УМЕР В МОНГОЛИИ В КАРАВАНЕ 1715 ГОДА И БЫЛ ПОХОРОНЕН В ПОСОЛЬСКОЙ ОБИТЕЛИ.

В ноябре 1693 года караван Идеса прибыл в Пекин. Голштинский купец не морочил себе голову вопросами царской чести, и потому пошел на все церемониальные уступки и в результате получил сразу три аудиенции у богдыхана Сюань-Е (Канси). Богдыхан благосклонно подтвердил желание блюсти условия Нерчинского мира. А торговля у Идеса в Пекине сложилась очень выгодно. В Россию Избрант Идес вернулся с небывалой прибылью.

Оборотистость Идеса сразу породила особое явление в российской экономике — китайские караваны. Хозяйственный Петр уже в 1695 году взял их в казенную монополию. Китайцы согласились принимать от русских по одному каравану в год, и каждый год из Москвы в Пекин уходил огромный обоз с товарами, купцами и казаками. Первый караван вел купец Спиридон Лянгусов. Он увез товаров на 31 тысячу, а привез обратно на 55 тысяч.

Путь «туда-обратно» занимал три года. Торговцы тащились сквозь всю Сибирь путем Николая Спафария: ехали на телегах или санях, плыли на дощаниках, волочили суда через великие волоки между бассейнами Оби и Енисея и от реки Селенги до реки Нерчи. Их швыряло в порогах Ангары или в бурях на Байкале, на караваны налетали то джунгары, то монголы. В Китай чаще везли пушнину, а из Китая — ткани, пряности и табак, «траву думбаго». Водители караванов сказочно обогащались на контрабанде — на драгоценных камнях индийской Голконды и на золотом песке Хуанхэ. Пошлины взимались на генеральных таможах в Верхотурье и Нерчинске и промежуточных таможах в Тобольске и Селенгинске. По пути караванчики торговали в сибирских городах. Быстро определился круг избранных купцов, которые заслужили доверие государя; эти купцы возглавляли экспедицию и везли свои товары: Худяков, Истопников, Осколков и Гусятников.

Но караваны все равно были казенными, просто на их снаряжение казна привлекала частный капитал. Свои личные товары с караванами отправляли и сам Петр, и «птенцы гнезда Петрова»: Меншиков, Шереметев, Долгоруков и Гагарин. И простые купцы, шедшие с караванами, имели право продавать свои товары только после того, как проданы казенные и вельможные.

В 1698 году государство определило порядок торговли с Китаем, но решающее слово оставалось, видимо, за князем Матвеем Гагариным. Когда Избрант Идес ездил в Китай, князь Гагарин был воеводой в Иркутске и Нерчинске; он доподлинно знал масштабы прибылей и контрабанды. В дальнейшем он и «продвигал» китайские караваны перед государем. Порой он из своего кармана доплачивал мнимую выгоду за товары Петра, лишь бы государь не разочаровался в китайской торговле. Поэтому караваны достигли расцвета во времена сибирского губернаторства Гагарина.

Вот финансовые результаты китайского торга.

1698 год: отправлено товаров на 31 тысячу, вывезено на 55 тысяч.

1700 год: отправлено товаров на 30 тысяч, вывезено на 47 тысяч.

1702 год: отправлено товаров на 51 тысячу, вывезено на 100 тысяч.

1704 год: отправлено товаров на 56 тысяч, вывезено на 36 тысяч.

1706 год: отправлено товаров на 36 тысяч, вывезено на 90 тысяч.

1707 год: вывезено товаров на 180 тысяч.

1710 год: отправлено товаров на 42 тысячи, вывезено на 265 тысяч.

1711 год: отправлено товаров на 203 тысячи, вывезено на 465 тысяч.

Что для России означали суммы китайской торговли? Можно сравнить с теми суммами, которые Сибирь выплачивала в Москве в виде налогов:

1706 год: китайских товаров на 90 тысяч, налогов на 146 тысяч.

1707 год: китайских товаров на 180 тысяч, налогов на 171 тысячу.

1710 год: китайских товаров на 265 тысяч, налогов на 282 тысячи.

1711 год: китайских товаров на 465 тысяч, налогов на 403 тысячи.

То есть китайский торг по оборотам был сопоставим со всеми налогами, что отправляла в Москву вся бескрайняя Сибирь. Так что казаки не напрасно боролись с китайцами за Амур, и горячая кровь Албазина пролилась не зря.

В РАЙ ЗА ПРОТОПОПОМ

СИБИРСКИЕ РАСКОЛЬНИКИ В XVII ВЕКЕ

Главный вдохновитель раскола протопоп Аввакум был сожжен в 1682 году. В XVII веке в России погибель в огне считалась обычной казнью за религиозные преступления. Она официально была одобрена православной церковью Уложением 1649 года. Еретиков и вероотступников сжигали в срубках, иногда по несколько человек. Иностранцы в своих путевых записках делились впечатлениями: «Тех, которые возбуждают какие-либо сомнения относительно веры, заключают в небольшие деревянные домики и сжигают живыми и выглядывающими оттуда».

Взлет церковных репрессий пришелся на время раскола. Не желающие «креститься кукишем» бежали от преследований в Сибирь. Туда же ссылали и тех, кто открыто проповедовал «древнее благочестие», называя патриарха Никона антихристом, а его реформы — переменной веры. Протопоп Аввакум, несгибаемый лидер старообрядчества, провел в различных изгнаниях около двадцати пяти лет, и первой большой его ссылкой была сибирская.

В 1653 году он оказался в Тобольске. Это была милость от царя Алексея Михайловича, которого патриарх Никон уговаривал лишить Аввакума сана. Но царь просто удалил смутьяна в Сибирь. Первое время протопоп жил свободно: проповедовал в Знаменской церкви и бранил «ересь Никонову». Правда, он рьяно клеймил грешников и рассорился с тоболяками, его даже хотели убить, и целый месяц он прятался по чуланам и амбарам.

Потом с отрядом служилых людей воеводы Пашкова его отправили за Байкал строить Нерчинский острог. Аввакум претерпел невыносимые муки от голода и холода, воевода бил его кнутом и в Братском остроге держал в холодной тюремной башне. Однако даже сам Пашков понимал силу слова Аввакумова, и не раз, бросив кнут, падал перед протопопом на колени и молил выпросить у Бога прощение. Аввакум так поразил сибиряков, что кое-кто подался за ним в раскол. На реке Хилок, притоке Селенги, в Иргенском остроге воевода Пашков забил и заморил четырех своих служилых, ушедших в старую веру, и они стали первыми раскольничьими мучениками Сибири.

На обратном пути, опять в Тобольске, Аввакум узнал, что Никон пал. Протопоп мог удовлетвориться поражением заклятого гонителя, но увидел вещей сон. Сам Господь сказал ему: «Блюди прежний обычай!» И Аввакум продолжил обличения. В Тобольске из личной соперника патриарха он превратился во врага беспощадной государственной модернизации.

Последние четырнадцать лет жизни Аввакум сидел на хлебе и воде в земляной тюрьме заполярного города Пустозерска на Печоре, но и здесь он сохранял связь с борцами раскола: рассылал грамоты и грозные воззвания.

В Верхотурье, Тюмени и Тобольске тоже начались волнения. Сибирские священники и монахи сопротивлялись реформам Никона. В тайных местах среди болот и глухой тайги они устраивали раскольничьи скиты и пустыни, и туда це-

лыми семьями и деревянными стекался народ. Духовным центром сибирских раскольников был Авраамиев остров, скрытый в непроходимых Ирюмских болотах. Тайный путь знали только посвященные, которые по еле приметным зарубкам отыскивали тропу над опасной трясиной. Это были версты звериного страха: под ногами хлюпал мягкий пружинистый мох, посох прощупывал каждую кочку, разгоняя гадюк. И, как награда в конце пути — священный остров с могучими соснами, прочно стоящими на твердой земле. Храма здесь не было, его заменяли деревья-алтари: ниши для икон раскольники вырубали прямо в толстых сосновых стволах.

ПРОТОПОП АВВАКУМ НЕ БЫЛ ФАНАТИКОМ; ПРОСТО ОН ВЕРИЛ ТАК ИСКРЕННО И ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО НЕ МОГ ПЕРЕМЕНИТЬ ОБРЯДЫ, КАК НЕ МОГ ДЕЙСТВОВАТЬ ЛЕВОЙ РУКОЙ ВМЕСТО ПРАВОЙ. ОН НЕ ИСКАЛ ГЕРОИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ЗА ВЕРУ; ОН ХОТЕЛ МОЛИТЬСЯ ПО КАНОНУ, КОТОРЫЙ НА ТО И КАНОН, ЧТО НЕ ПОДЛЕЖИТ ИЗМЕНЕНИЮ. ПРИ ВСЕЙ СВИРЕПОСТИ СВОЕЙ СУДЬБЫ, АВВАКУМ ПОРАЖАЕТ ПРОСТОДУШНОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ НАТУРЫ. ОН — ТВЕРДЫНЯ ДУХА, И ПОТОМУ ОСТАЛСЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ. РОДИНА АВВАКУМА — СЕЛО ГРИГОРОВО В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.

Остров был назван в честь расколуучителя Авраамия Венгерского, одного из самых истовых приверженцев Аввакума. До разрыва с церковью Авраамий был монахом Кодского монастыря, но его переубедили проповеди протопопа. Авраамий увлек за собой даже игумена своей обители — Иванища Кондинского, и они вдвоем, спасаясь от преследований, в конце концов оказались на болотном острове. Здесь Иванище и умер, а старец Авраамий продолжал писать книги и вести споры с другими лидерами раскола. На этом маленьком острове решались главные вопросы сибирского старообрядчества.

В КОНЦЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XX ВЕКА ОДНА ИЗ УЦЕЛЕВШИХ БАШЕН БРАТСКОГО ОСТРОГА БЫЛА ПЕРЕВЕЗЕНА В МОСКВУ В МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «КОЛОМЕНСКОЕ». БАШНЯ НЕОДНОКРАТНО ПОДВЕРГАЛАСЯ РЕСТАВРАЦИИ: СТАРЫЕ БРЕВНА БЫЛИ ПРОПИТАНЫ КОНСЕРВАНТАМИ И ПРОКЛЕЕНЫ, А ПРОГНИВШИЕ ЧАСТИ ЗАМЕНЕНЫ НОВЫМИ, ИЗГОТОВЛЕННЫМИ ПО СТАРИННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ СТАРИННЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ. ПО ЛЕГЕНДЕ, ИМЕННО В ЭТОЙ БАШНЕ СИДЕЛ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ПРОТОПОП АВВАКУМ, О ЧЕМ ОН САМ РАССКАЗАЛ В СВОЕМ ЖИТИИ.

В 1702 году стрельцы изловили «того раскольщика старца Аврамку» и отправили в тобольский каземат. Даже под пытками семидесятилетний старик не отрекся от «праведной веры». Жители ирюмских болот собрали все свои деньги и отправились в Тобольск выручать учителя. По легенде, они подкупили некоего Калину — огромного и сильного мужика. Калина пришел в церковь, куда Авраамия доставили на богослужение, взял маленького измученного старца на руки, прижал к себе, как ребенка, запахнул полами тулупа и вынес на улицу. Стража у дверей церкви дивилась на великана и не заметила, что он прячет Авраамия, вожда сибирских раскольников.

Лидеров раскола власти казнили — иногда прямо в монастырях. А рядовых раскольников оставляли в живых, потому что для государства было большим расточительством терять тысячи налогоплательщиков. Арестантов использовали как бесплатную рабочую силу: ночью держали на цепях в церковных казематах, а днем выгоняли на самую тяжелую работу.

Самым фанатичным актом непокорства у раскольников стали «гарь» — массовые добровольные самосожжения. А самую чудовищную гарь в истории России устроил тюменский поп Доментиан (в монашестве Даниил).

На речке Березовке в 12 верстах от Ялutorовской слободы Доментиан построил свою пустынь и начал призывать последователей. На службах он ввел правило не молиться за царя, говорил о скором конце света, убеждал народ очиститься, принять постриг и через «огненную купель» пройти прямо в райские врата. К Доментиану потянулись толпы крестьян: на Березовку они перебирались вместе с семьями. Мужики укрепляли пустынь, строили кельи, обкладывали их берестой и соломой и обливали смолой, чтобы в нужный момент строения вспыхнули как спички. Бабы с молитвами шли мужьям и детям саваны, словно праздничные наряды. Доментиан проповедовал днями и ночами, вел прения с тобольскими священниками, следил, чтобы паства соблюдала пост, и спешно постригал всех ново-прибывших в монахи.



Памятник Аввакуму в селе Григорово

В 2009 ГОДУ К 350-ЛЕТИЮ ГОРОДА В ЯЛУТОРОВСКЕ НА ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ — НА СРЕТЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ — БЫЛ ПОСТРОЕН ОСТРОГ. КАК УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЭТА РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАРИННЫМИ ПЛАНАМИ И С СОБЛЮДЕНИЕМ БЫЛЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. У ОСТРОГА ЧЕТЫРЕ ВАШНИ, ОДНА ИЗ НИХ — ПРОЕЗЖАЯ, С НАДВРАТНОЙ ЧАСОВНЕЙ. ОСТРОГ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫГЛЯДИТ И АТМОСФЕРНО, И АУТЕНТИЧНО, ХОТЯ И СЛИШКОМ УЖ «ПРИГЛАЖЕННО».

Власти пытались помешать массовому самоубийству, на Березовку был направлен военный отряд. Узнав о его приближении, Доментиан отдал команду, и 6 января 1679 года разом вспыхнули все кельи. Самые стойкие раскольники заглушали песнопениями крики горящих заживо людей, а слабые духом отчаянно бились в двери, прочно запертые снаружи. В считанные минуты пламя пожрало Доментиана и 1700 человек его паствы.

Многие учителя раскола выступали против «гарей», считая их грехом самоубийства. Правительство объявило охоту на проводников в рай через «огненную купель». Но гонения и преследования придавали самосожжениям ореол мученичества, и это лишь раздувало пожар фанатизма.

В 1683 году жители Утяцкой слободы отказались присягать царям Петру и Ивану и устроили «гарь», в которой погибло 104 человека. В 1686 г. в раскольничьей пустыни в Верхотурском уезде сгорело 100 человек. В том же году на Пасху 250 раскольников села Каменка Тюменского уезда взорвали себя в Покровской церкви. Всего же сибирские историки насчитали 35 актов массового самоубийства ревнителей «древлего благочестия».

Пожар охватил всю Россию: горели пустыни, церкви, монастыри. За одно первое десятилетие раскола двадцать тысяч раскольников с воплями вознеслись вместе с дымом в придуманный для себя рай.

ЖНЕЦЫ НЕБЕСНЫХ ЖИТНИЦ *ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛМАТА И ИСААКА ИСЕТСКИХ*

Дмитрию Ивановичу Мокринскому бог отмерил две биографии. Одну — для личного пользования, а другую — для истории. Он родился в Березове в 1594 году, и с семьей ему повезло: отец — казачий атаман, мать — крещеная татарка из богатого рода тюменского мурзы. «Сын боярский» Мокринский в 34 года уже стал тобольским городничим и в дополнение к жалованию получил земельную запашку. Жена и пятеро детей. По словам сына Исаака, Дмитрий Иванович был «не велми богат, но жительствова без скудости, дом свой строя во обилии». Однако дальше на голову Мокринского посыпались несчастья.

Умерла жена. В съезжей избе случился пожар, сгорела городовая печать, деньги и воеводские грамоты, и подозрение пало на Мокринского. Следствие не нашло умысла на поджог, но карьера Мокринского закончилась. В 1633 году он уже был обыкновенным приказчиком в далеком Вагайском острожке. Худо-бедно поставив детей на ноги, Дмитрий решил уйти в монахи.

В Спасо-Богоявленской обители близ Невьянской слободы служил брат Дмитрий Савватий, и в 1643 году Дмитрий принял там постриг под именем Далмат. Так в 49 лет закончилась жизнь «сына боярского», и началось житие подвижника, будущего святого. На биографию Далмата Исетского Господь щедро отмерил Дмитрию Мокринскому второй жизненный срок в 54 года.

ПО ЛЕГЕНДЕ, ЭТОТ ШЛЕМ БЫЛ ПОДАРЕН СТАРЦУ ДАЛМАТУ ТАТАРСКИМ МУРЗОЙ ИЛИГЕЕМ. ШЛЕМ ХРАНИЛСЯ В ОБИТЕЛИ КАК СВАТЫНЯ, И ПРИХОЖАНЫ НАДЕВАЛИ ЕГО, ЧТОБЫ ПОМОЛИТЬСЯ ДАЛМАТУ. НО ШЛЕМ, СУДЯ ПО ВСЕМУ, ИЗГОТОВЛЕН В ЕВРОПЕ. СКОРЕЕ ВСЕГО, ОН ПРИНАДЛЕЖАЛ РЕЙТАРУ ИВАНУ ВОЛКОВУ, КОТОРЫЙ СЛУЖИЛ В ПОЛКУ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ», ЗАВЕДЕННУЮ ВОЕВОДОЙ ХИЛКОВЫМ. ВОЛКОВ УЧАСТВОВАЛ В ПОХОДАХ ПОЛКОВНИКА ПОЛУЭКТОВА НА БАШКИР, А ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ОБРЕЛ В ДАЛМАТОВСКОМ МОНАСТЫРЕ. ШЛЕМ — ЕГО ВКЛАД «НА ПОМИН ДУШИ».

Далмата, привычного к делам, в монастыре назначили «строителем» (завхозом). Но умер брат Савватий, и Далмат пожелал удалиться в скит. Он ушел из монастыря в дикое края — на реку Исеть. По легенде, взял с собой он только то, что вывез еще из Тобольска, — образ Успения Божьей матери. Эту тяжеленную икону (размером 88 на 74 см) Далмат примотал к спине. Икона пригибала его, в непогоду ветер дул в нее, как в парус, но Далмат упрямо шагал на Исеть. Он будто предвидел, что несет на своих плечах не личный портал в небо, а щит для обители, которую ему еще предстоит построить.

На Исети, на некоем «Белом городище», Далмат выкопал себе землянку. «Городище» с окрестными урочищами принадлежало тюменскому татарину Илигею, и он не раз требовал от Далмата убраться вон. Однажды Илигей с отрядом подступился к скиту Далмата, но во сне к татарину вдруг явилась Богородица и потребовала помогать отшельнику. Потрясенный Илигей ушел, а через год подарил Далмату дорогой доспех и все свои земли по Исети.

Вскоре к Далмату потянулись люди. Рядом с его землянкой они тоже копали

себе жилища, заводили пашни и ловили рыбу. Так на бывших землях доброго мусульманина Илигея образовалась целая православная пустынь.

Отшельники жили тихо: постом, молитвой и натуральным хозяйством. Но на Исети всем заправляли кочевники, они держали русские селения в страхе. В 1651 году войско царевича Девлет-Гирея разорило Далматов скит: два десятка жителей убили и столько же увели в плен. Далмата в это время в скиту не было, он вернулся уже на пепелище. Набег превратил пустынь в пустыню: над трупами и развалинами летали вороны и обгорелые страницы молитвенников. Далмат отыскал свою икону. Там, где ее схватила рука врага, край доски был обуглен. Далмат снова остался наедине с Богородицей.

ДАЛМАТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ БЫЛ КРУПНЕЙШИМ КУЛЬТУРНЫМ ЦЕНТРОМ ЗАУРАЛЬЯ. ОН СОДЕРЖАЛ БИБЛИОТЕКУ, ЛАЗАРЕТ И ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ. В ЭТОМ УЧИЛИЩЕ, НАПРИМЕР, УЧИЛСЯ АЛЕКСАНДР ПОПОВ — БУДУЩИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ РАДИО. ОДНАКО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НЕ ПОСМОТРЕЛА НИ НА ЧТО. МОНАСТЫРЬ БЫЛ ЗАКРЫТ И РАЗОРЕН. ПОСТРОЙКИ ЕГО ПОСТЕПЕННО ПРИШЛИ В УПАДОК. СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ ОБИТЕЛИ ИСЧЕЗЛО ИЗ ПАМЯТИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

К счастью, вскоре его разыскал сын Иван. Вместе они восстановили скит. Сын принял от отца монашеский постриг под именем Исаак. Он стал первым помощником Далмату. Вокруг снова начали селиться люди, и через восемь лет власти утвердили пустынь Далмата как Успенский монастырь. Исаака назначили «строителем», а Далмата почитали духовным наставником обители. Старцу было 65 лет. Он обосновался в келье «в затворе», а у двери в келью водрузил для себя гроб как напоминание о неизбежном исходе жизни. Главной святыней обители была все та же икона Далмата.

Может быть, эта икона всю жизнь и спасала монахов Далмата и Исаака от костра православной инквизиции, потому что исетские отшельники не приняли реформ патриарха Никона. Первые обвинения отца и сына в расколе прозвучали в 1662 году: монахов вызывали в Тобольск для увещевания, и оно вроде бы возымело силу. Исаака назначили настоятелем монастыря.

Покорность Исаака была только на словах, а на деле обитель Далмата потворствовала старообрядцам. Власть много лет ничего не могли поделать с Исааком. Его снимали с должности, просили «с раскольщиками не чинить раскола», даже на год отправляли на покаяние в Енисейск, но все напрасно. Под боком у обители цвел цветник «древлего благочестия» на Ирюмских болотах, вели свою проповедь ересиархи Иванище Кондинский и Авраамий Венгерский. А народ уважал Исаака, и церковное начальство вынуждено было возвращать его к руководству монастыря. В числе самых уважаемых иерархов Зауралья власти даже приглашали Исаака Далматовского освидетельствовать обретенные мощи Симеона Верхотурского.

В 1694 году старцу Далмату исполнилось сто лет. Далмат благословил Исаака продать 15 золотых из казны обители и раздать деньги нищим. Умер Далмат 24 июня 1697 года в возрасте 103 лет — «в летах совершенных, созревший в добродетелях, как полная пшеница для небесной житницы». Он чуть было не пережил свой старый и разохшийся гроб, который простоял в его келье 38 лет. Старца похоронили в этом гробу в склепе на территории монастыря. В нижнем, Христорождественском храме Успенского собора монахи создали своеобразный «музей» Далмата: фрески на стене изображали картины из его жизни, а на столе лежали шлем, кольчуга, мантия и клобук старца. Была сооружена крипта: «Посреди стены выкладена пещера, в ней двери, против оных в пещере патрет в челове-

ческий рост начального монаха Далмата, размалеван по приличности красками». Старца Далмата стали почитать как святого, но канонизирован он был только в 2004 году.

А Исаак служил монастырю еще почти три десятилетия. Архимандрит Исаак умер в 1724 году в возрасте 92 лет. Его погребли в Успенском соборе отцовской обители. Игумен Невьянского монастыря Евсевий после смерти Исаака доносил о его кончине: «Далмат был злой расколник и Святыя Тайн не приобщался, так и душу свою без покаяния удаляясь от Святыя Церкви изверже, как, впрочем, и его сын Исаак, выплюнувший перед смертью Святое Причастие, чему свидетель был сам». Но эти слова, брошенные вслед двум непокорным владыкам, были бессильны, потому что Богородице виднее.

ПОРТНОЙ ОТ БОГА

КУЛЬТ СВЯТОГО СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО

В 1692 году в деревне Меркушино, которая была знаменита своими верфями, у церкви архистратига Михаила из земли вдруг начал всплывать гроб. Сквозь его щели были видны нетленные останки погребенного, и от самого гроба исходило райское благоухание. Верхотурскому пушкарю Ивану Григорьеву во сне было видение, что явленные мощи чудотворны. Пушкарь болел, но поехал в Меркушино; там он осыпал себя землей с гроба — и сразу исцелился. По Зауралью поползли слухи, что в Меркушино Господь открыл народу нового святого, не хуже, чем Василий Мангазейский в Туруханске.

Взошедший к свету гроб с нетленными мощами — событие взыскующее. Через два года митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) созвал в деревню Меркушино четырех самых уважаемых сибирских иереев, среди которых был Исаак Далматский. Иереи убедились: Сибири возвещен праведник, творящий чудеса. Но кто он? Местные жители не смогли вспомнить, чья это могила у Михайловской церкви. Дело было зимой. Озадаченный Игнатий возвращался в Тобольск по санной дороге, проложенной по льду Туры. Митрополита сморил навязчивый сон. Когда иерейские сани пролетали мимо небольшого прибрежного камня у деревни Трубиной, спящий митрополит увидел перед собой толпу народа, и толпа кричала владыке: «Симеоном его зовут!» Так было названо имя того, кто вернулся к людям в небесном чине.

Этот человек, Семен по прозвищу Пинежанин (то есть с реки Пинеги), пришел в Верхотурье после Смутного времени. Он был портным: «Ремесло же его было шить шубы с нашивками хамзанными или ирхами». Пинежанин исправно посещал храм, молился и постился, но никаких подвигов веры не совершал. Он прославился другим. В трудах отхожего промысла Семен странствовал по слободам Верхотурского уезда и шил одежду, но старался не брать денег за свою работу. Порой намеренно не доводил работу до конца: например, сошьет кафтан, но не пришьет последнюю пуговицу — значит, дело не сделано, и платить не за что. Однажды Семен по недосмотру унес с собой хозяйскую иголку и вернулся за триста верст, чтобы отдать ее. В общем, жил он праведно и смиренно, умер около 1642 года и был с честью похоронен у церкви. Но за полвека забылись и добродетели его, и само имя.

И вдруг оказалось, что кроткий портняжка — святой! Люди потянулись в Меркушино, где Симеон исцелял страждущих. Владыка Игнатий составил житие праведника. А поток паломников все возрастал, Меркушино уже не вмещало гостей, и в 1704 году митрополит Филофей повелел перенести мощи в Верхотурье. Так Семен Пинежанин стал Симеоном Верхотурским.

Слава его загремела по всему Уралу и Западной Сибири. Сложился даже наи-

вный иконописный канон Симеона: Симеон в лаптях и синем армяке стоит под елью на берегу Туры, а за рекой — Верхотурский Николаевский монастырь, где покоятся мощи праведника; у ног Симеона помещали еще одно изображение святого, уменьшенное: маленький человечек в том же армяке сидит на своем любимом камне над Турой с удочкой и рыбачит.

Когда в Верхотурье закроют таможеню, городок лишится привычного источника существования, но паломники заменят ему купцов Сибирского тракта: народный культ станет приносить Верхотурью не меньший доход, чем таможенные пошлины. Однако церковь не скоро признает уральского праведника. Симеон Верхотурский будет канонизирован только в 1835 году.

Чем же он так угодил простому народу? Дело в том, что искренний и неофициальный культ местночтимого святого возникает лишь тогда, когда святой выражает главную ценность какого-либо сообщества. Люди начинают поклоняться такому святому даже без санкции церкви; они просят святого о заступничестве и сами пишут иконы, как уж получается. В общем, святые маркируют собой региональную или корпоративную идентичность. Василий Мангазейский выражал приоритет Божьих установлений над алчностью и потому стал главным святым пушного промысла.

КАМЕНЬ СЯГОГО СИМЕОНА НА БЕРЕГУ РЕКИ ТУРЫ ИМЕЕТ БОЛЬШУЮ И СЛАВНУЮ ИСТОРИЮ. КОГДА-ТО САМ СИМЕОН ЛЮБИЛ СИДЕТЬ ЗДЕСЬ С УДОЧКОЙ И РЫБАЧИТЬ. ВОЗЛЕ ЭТОГО КАМНЯ МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ УВИДЕЛ ВЕЩИЙ СОН, В КОТОРОМ ЕМУ БЫЛО ОЗВУЧЕНО ИМЯ ЯВЛЕННОГО СЯГОГО. ЭТОТ КАМЕНЬ ПРИНЯТО ИЗОБРАЖАТЬ НА ИКОНАХ СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО — ОН ВОШЕЛ В ИКОНОПИСНЫЙ КАНОН, КАК ГОЛГОФА ИЛИ ЕЛЕОНСКАЯ ГОРА.

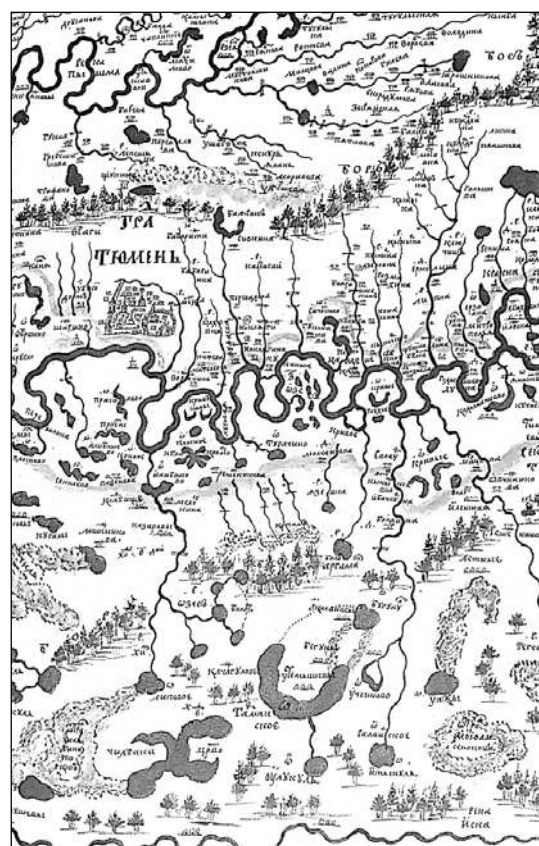
Далмат Исетский выражал стойкость труженика, и потому стал главным святым зауральских слобод, которым угрожали степняки. А Симеон Верхотурский воплотил в себе слободской идеал чистого и бескорыстного труда. Он станет главным святым уральских горных заводов, где труд почитался за высшую добродетель. Симеон превратится в главного святого заводских рабочих.

Чем больше заводов будет на Урале, тем больше будет приверженцев Симеона. И расцвет народного культа слободского праведника придется на время «силы и славы» заводов — это конец XVIII века и весь XIX век.

Общероссийская известность обрушится на Симеона в начале XX века, когда бывший послушник Верхотурского монастыря, тюменский крестьянин Григорий Распутин, вдруг окажется спасителем царской семьи: его молитвы, обращенные к Симеону, будут исцелять и хранить наследника престола, а Романовы отблагодарят Верхотуре вниманием и благодеяниями.

ПОЗНАВАЯ ВСЕЛЕННУЮ КАРТОГРАФИЯ СЕМЕНА РЕМЕЗОВА

Долгое время в Тобольске Семена Ремезова знали всего лишь как сына Ульяна Ремезова — того, кто увез джунгарам кольчугу Ермака и указал русским могилу атамана. В служилые люди Семена поверстали очень поздно — в 40 лет. Это произошло в 1682 году. Семен служил исправно: ходил с отрядами по Иртышу, Ишиму, Оби, Тоболу и Туре; бился с казаками «лицом на лицо»; был «ясашным сборщиком», «выдельщиком» (тем, кто отнимает у слобожан «государеву долю» произведенного продукта) и «выимщиком» (тем, кто конфискует нелегальный товар); участвовал в переписях крестьян.



Карта Ремезова

сопроводительными надписями самого разного содержания. Расстояния обозначали в днях пути — пешего, санного, конного или водного. Вообще, «география» в те времена состояла из «космографии» — описания мира в целом, и «хорографии» — описаний отдельных территорий.

КАРТЫ СЕМЕНА РЕМЕЗОВА СЛУЖИЛИ НЕДОЛГО. АКТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ УТОЧНИЛИ ГЕОГРАФИЮ ОТДАЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ, К ТОМУ ЖЕ ИЗМЕНИЛАСЬ САМА КОНЦЕПЦИЯ КАРТОГРАФИИ — ИЗ «ОПРОСНОЙ» ОНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ИЗМЕРИТЕЛЬНУЮ» И «ИНСТРУМЕНТАЛЬНУЮ». НО СТАРИННУЮ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНУЮ СИЛУ РЕМЕЗОВСКИХ КАРТ ОТМЕНИТЬ НЕВОЗМОЖНО, И ПОЭТОМУ ОНИ СТАЛИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ БРЕНДОМ СИБИРИ.

Карты тогда делали на основе наблюдений, а не измерений. Источником информации были словесные описания, зачастую полученные из третьих рук. Однако расспросы свидетелей Ремезов проводил весьма масштабно: скажем, для «Чертежа межевойской земли с слободами» он опросил 720 человек. Главной удачей для Семена Ульяновича была возможность побеседовать с очевидцем. Например, в 1700 году в Тобольске проездом появился землепроходец Владимир Атласов — исследователь Камчатки. Ремезов терзал его несколько дней, выясняя географию

Однако начальство обратило внимание, что к своим отчетам о службах Ремезов-младший прикладывает еще и добротные чертежи селений и рек — «сметы» и «меры». Семени нравилось изображать землю, у него это хорошо получалось. И уже в 1685 году его присоединили к приказным подьячим, которые перерисовывали и дополняли знаменитую карту Сибири, сделанную по велению воеводы Годунова. Ремезов потихоньку становился картографом.

Картография в ту эпоху была не наукой, а скорее искусством вроде иконописи. Русские карты отличались от европейских своим прагматизмом: их чертили сугубо для дела. Основной карты чаще всего был путь — дорога или река. Графическая форма была вторичной. Расположение по сторонам света — произвольное, обычно «югом кверху». Если не хватало места на листе, то изображение легко могли «загнуть вбок». Условных знаков и какой-либо унификации не существовало. Масштаба не было. Координат еще не использовали. Пропорций не соблюдали. Изображение покрывали многочисленными

полуострова, а потом уговорил воеводу Черкасского вскрыть запечатанный сундук с документами Атласова, чтобы переписать «сказки» казака и перерисовать его карты.

В 1696 году боярским «приговором» воеводе Нарышкину было указано изготовить общий большой чертеж Тобольского разряда и малые чертежи уездов. Эту работу воевода поручил Ремезову. Вместе с помощниками Ремезов выехал на сбор материалов. Нарышкин обязал уездных воевод и приказчиков помогать Ремезову: предоставлять постоянные дворы, чернила и свечи; отправить к Ремезову знаковок, которые описали бы дальние края.

КАРТЫ РЕМЕЗОВА БЫСТРО УСТАРЕЛИ. ПОЧТИ ВСЕ ЕГО ПОСТРОЙКИ БЫЛИ СНЕСЕНЫ. УЧЕННЫЕ НАПИСАЛИ КУДА БОЛЕЕ ТОЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ. И РЕМЕЗОВ НЕ ОСТАВИЛ УЧЕНИКОВ, КОТОРЫЕ ПРОДОЛЖАЛИ БЫ ЕГО ДЕЛО И РАЗВИВАЛИ ЕГО ИДЕИ. И ВСЕ ЖЕ ФИГУРА СЕМЕНА РЕМЕЗОВА ПО-ПРЕЖНЕМУ САМАЯ ВАЖНАЯ В КУЛЬТУРЕ СИБИРИ XVII И XVIII ВЕКОВ. ДА И НЫНЕ РЕМЕЗОВ ОСТАЕТСЯ АКТУАЛЬНЫМ. ПОЧЕМУ? ПОТОМУ ЧТО ГЛАВНОЕ ЕГО ЗНАЧЕНИЕ НЕ В КАРТАХ, НЕ В ЗОДЧЕСТВЕ И НЕ В ЛЕТОПИСЯХ. ЕГО УРОК — ПРАВСТВЕННЫЙ: ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ ОЗНАЧАЕТ ЗНАНИЕ РОДИНЫ И СОЗИДАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Свое первое важное задание Ремезов исполнил за год. Он составил целый комплект подробных чертежей Тобольского разряда, переплел их и назвал этот атлас «Хорографической книгой». В нее по своему почину он включил «Чертеж каменной степи» и «Чертеж Казачьи орды» — карты южной, степной Сибири, Казахстана, «Бухареи» и вообще Средней Азии. Всего у Ремезова набралось больше сотни листов. «Книгу» увезли в Москву.

Бояре высоко оценили труд Ремезова: воеводу Нарышкина наградили грамотой с похвалой «в полности мастерства», а Ремезову увеличили оклад, разрешили официально называться «зографом» («изографом») и поверстали в службу старшего сына Леонтия — помогать отцу в картографических делах.

В 1698 году Ремезов ездил в Москву, в Сибирский приказ. Его целью были дела строительные, но дяк Вinius, глава приказа, заодно поручил «зографу» разобрать пыльный ворох карт из архива и на лошадном полотне «шти аршин длины и четырех поперешнику» составить сводный «Чертеж всех сибирских градов и земель». Ремезов сделал. Этот огромный холст Вinius преподнес самому государю, и Петр был впечатлен. Вскоре Ремезову огласили царское задание: изготовить новый атлас Сибири.

Государев заказ Ремезов исполнил уже в Тобольске. В работе ему помогали три сына. Семен Ульянович назвал свой «изборник» безыскусно — просто «Чертежная книга Сибири». На 24-х листах дорогой александрийской бумаги Ремезов изобразил всю азиатскую Россию. Чертежи были красивые и яркие: реки — лазоревые, горы — охряные, леса — малахитовые, подписи — черные, а важные сведения — киноварью. «Чертежная книга» стала вершиной сибирской картографии и самым подробным собранием сведений о Сибири на рубеже веков. В конце 1701 года Ремезов отослал свой труд в Москву.

Он не был «самородком», который «изобретает велосипед». Ремезов тщательно изучал работы предшественников: Большой Чертеж с его Книгой, карты Герберштейна и Спафария, Витзена и Вiniusа, «годуновский» чертеж. Ремезов понимал смысл процесса генерализации (отбора важного) и необходимость масштаба — «миллиарии». Ремезов знал, что Земля круглая, что Россия находится в «ветхом свете», а на другом боку земного шара лежит Америка (он писал «Магеланика»). Он знал компас — «матку», «церкиль» («кружало») и румбы — «вет-

ры». Но применить эти знания на практике Семен Ульянович не умел и, конечно, никогда не слышал о широте и долготе, о полюсе и экваторе, о системе координат и проекции Меркатора. Когда он начинал рассуждать о географии, то его речь превращалась в заклинания: «Тобольский град отстоит от среды мира в полунощи хладной страны, философски в части ребра северова в степи, части на вселенной длины 90 градусов и ширине 700 миль, под небесною планидою Солнцом счастливою и красноцветущею, под размером Зодияка от Лва воздушного пояса»...

В техническом отношении карты Ремезова устарели очень быстро. Но они со служили огромную роль в качестве описания Сибири. Тобольский «зограф» Ремезов, одновременно смиренный и дерзкий, полагал, что создает прикладную «хорографию», а на самом деле он формировал мировоззрение.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ СИБИРИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА ЧЕРКАССКОГО

Самый долгий срок сибирского воеводства — двенадцать лет — выпал князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, последнему тобольскому воеводе. Род Черкасских обладал огромными земельными владениями, и князья Черкасские всегда состояли при русских царях на самых важных должностях. Михаил Яковлевич служил царю Петру с его отрочества. Возмужав, Петр по-прежнему доверял Черкасскому как отцу родному, хотя князь был типичным московским боярином, вальяжным и бородачым, а таковых Петр не жаловал. В феврале 1697 года Петр назначил князя Михаила Яковлевича старшим воеводой в Тобольск, а Петр Михайлович, старший сын князя, ближний стольник, поехал в Сибирь вслед за отцом младшим воеводой.

Правление князя Черкасского стало золотым веком и лебединой песней сибирского воеводства. Князь оказался мужем зрелым и разумным, сам жил — и другим не мешал, умеренные новшества поддерживал, а неумеренные — придерживал. В Москву исправно увозили пушнину. Все было благополучно. Черкасский полностью устраивал Петра, и царь неоднократно благодарил князя. Впервые о тобольском воеводе говорили как о человеке бескорыстном и честном. Всем другим сибирским воеводам запрещалось принимать у себя в гостях родственников, чтобы не умножать воровства, а для Черкасского царь сделал исключение. Иностранцы называли Михаила Яковлевича «вице-королем Сибири» — по аналогии с владыками Сицилии, Индии или Перу.

Впрочем, конечно, далеко не все у «вице-короля» проходило гладко. В сентябре 1700 года в Тобольске умер Петр Черкасский, сын князя Михаила. Причина его смерти неизвестна. На смену почившему младшему воеводе Сибирский приказ прислал другого княжеского сына — Алексея. Он приехал в 1701 году и служил в Сибири до 1704 года.

Под рукой Михаила Яковлевича зацвел талант зодчего Семена Ремезова. В 1698 году Ремезову было поручено возглавить все каменное строительство Тобольска. За уроками ремесла Ремезов отправился в Москву и там жил в доме князей Черкасских. А потом в Тобольске он возвел Приказную палату и Гостинный двор. По масштабу Тобольский гостинный двор оказался вторым в державе — так умножилась сибирская торговля при князе Черкасском.

В эти же годы в Верхотурском уезде задымили первые горные заводы России — Невьянский, Каменский, Алапаевский и Уктусский. В Тобольске на деньги Артиллерийского приказа Черкасский устроил Ружейный двор — первую в Сибири мануфактуру. Из уральского железа оружейники ковали фузеи и мушкеты для сибирских служилых. Заведовал двором суздальский мастер

Никифор Пиленок. С собой в Сибирь он привез 47 родственников, и мануфактура превратилась в вотчину клана «пиленков». Обнесенный высоким бревенчатым заплотом, чтобы не глазели зеваки, Ружейный двор встал на окраине Тобольска за речкой Абрамовкой, а рядом разрослась Бронная слобода. Свои самопалы мануфактура начала выдавать в 1701 году. Пиленок дважды ездил в Москву посмотреть на Ружейный двор Избранта Идеса, но до механизации труда так и не дозрел: Пиленку не понравилось водяное колесо, и он решил, что ручная работа «гораздо лехче и поспешнее». А неугомонный Семен Ремезов — вообще-то сын пороховщика, «зеленого мастера», — устроил на легендарном Искере мастерскую по производству селитры, чтобы у сибирских ружей был свой порох. В 1719 году мануфактура «пиленков» будет производить около тысячи стволов в год, и здесь будут трудиться больше сотни работников. Пару добрых тобольских мушкетов возьмет себе царь Петр. Ружейный двор закроется лишь в конце XVIII века, но оружейные мастерские в окрестных селах сохранятся до XX века.

А вот с владыкой Филофеем отношения у Черкасского не сложились.

ГОСТИНЫЙ ДВОР В ТОБОЛЬСКЕ СПЛАНИРОВАЛ МАСТЕР ГЕРАСИМ ШАРЫПИН, КОТОРЫЙ СТРОИЛ ЕЩЕ СТЕНЫ И БАШНИ СОФИЙСКОГО ДВОРА. НО ШАРЫПИН УМЕР В 1704 ГОДУ, И СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЗГЛАВИЛ РЕМЕЗОВ. СУДЯ ПО ПРИКАЗНОЙ ПАЛАТЕ, РЕМЕЗОВ БЫЛ БОЛЕЕ ОРИЕНТИРОВАН НА СВЕТСКОСТЬ, ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ АРХИТЕКТУРЫ, И ЗАМКНУТОМУ ГОСТИНОМУ ДВОРУ, ПОХОЖЕМОМУ НА СУРОВУЮ СРЕДНЕВЕКОВУЮ КРЕПОСТЬ, ОН СУМЕЛ ПРИДАТЬ НАСТРОЕНИЕ ПРАЗДНИКА, ЯРМАРОЧНОГО РАЗВЛЕЧЕНИЯ, ДРУЖЕЛЮБИЯ. ЭТО И ДЕЛАЕТ ГОСТИНЫЙ ДВОР ТАКИМ ОБЯЯТЕЛЬНЫМ.

В 1701 году на Воеводском дворе князь открыл первую в Сибири школу. Учителями Черкасский поставил пленного шведа Антона Деловала и двух ссыльных из Томска — братьев Дровниных: «иконника» и колдуна Ваську и «распопа» Гришку. Васька в Москве в 1691 году собирался навести порчу на малолетних царей Ивана и Петра, а царевну Софью обещал выволочь из монастыря и выдать замуж за придворного писателя Сильвестра Медведева. Заговор раскрыли; Сильвестру отрубили голову, а злокозненных братьев сослали в Сибирь. В школе Черкасского обучалось больше сотни недорослей. Они зубрили грамматику, арифметику, геометрию, фортификацию, а латынь им преподавать не стали, поскольку «в Сибири говорить на латыни не с кем».

Но в 1702 году владыка Филофей перевел школу к себе на Софийский двор, переделал в «Славянорусскую» — вроде украинских коллегий — и прогнал братьев Дровниных. Видимо, с этого деяния начался разлад между энергичным реформатором Филофеем и неторопливым традиционалистом Черкасским. Конфликт воеводы и митрополита привел к тому, что Филофей оставил Софийский двор в Тобольске и перебрался в Преображенский монастырь в Тюмени. Однако на карьере Черкасского это не сказалось.

Князь воеводил до весны 1710 года. Годы брали свое, и царь Петр был вынужден отпустить «вице-короля» Сибири на покой. Михаил Яковлевич вернулся в столицу и в 1712 году умер. Закончилась эпоха сибирских воевод. Сибирь взял в руки первый губернатор — князь Гагарин. Однако век его окажется недолгим, и вторым губернатором Сибири царь назначит князя Алексея Михайловича Черкасского — сына «вице-короля». «Король умер — да здравствует король!»

Деревянный Тобольск, как и другие русские города, застраивался как попало. А в петровские времена понимание города изменилось. Город — это не просто сборище домов, а особая структура. Город должен быть ясным и доступным; его должны пересекать магистрали, ведущие к торговым и культурным центрам; он создается для публичной жизни, а не для обороны от врагов. 18 мая 1697 года Сибирский приказ повел перестроить Тобольск: сделать его более компактным и — насколько возможно — перевести казенные здания в камень. Требовалось сначала начертить план кремля в соотношении с другими постройками («где строению быть, чтобы город не утеснить») и составить смету: «сколько надобно того и этого и почему станет».

Для исполнения градостроительной миссии воевода Черкасский избрал Семена Ремезова, только что произведенного в «изографы», хотя в Тобольске жили и другие мастера, а Ремезов не имел опыта каменного зодчества. Семену Ульяновичу было уже 55 лет, но, видимо, он оказался переимчивее прочих, способнее к новшествам, а потому получил от воеводы аванс — «обнадежилса пожалованьем» — и сразу приступил к делу. Ремезов уже не раз обмерял Тобольск, и сейчас вместе с подмастерьями заново перемерил весь город «вкруг, вдоль и поперег». Он начертил большой «Чертеж Тоболеск под каменное строение», в котором тщательно указал «длинники городу», «поперешники нагорные», все «межи посадов» и «заключи» улочек, а также «улиц и переулков имени и назвици». Ремезов — насколько понимал суть новшества — создал план «регулярного» города с прямыми проспектами-«першпективами», хотя даже Петербурга в то время еще не существовало. Выдираясь из воеводского средневековья, сибирский «изограф» сам себе, без совета со стороны, был «петровской эпохой».

ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ИДЕЮ ТИПОВОЙ ЗАСТРОЙКИ, НУЖНО ОБЛАДАТЬ СУХИМ РАЦИОНАЛЬНЫМ МЫШЛЕНИЕМ ИНЖЕНЕРА. И РЕМЕЗОВ ИМ ОБЛАДАЛ. И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОН БЫЛ ПОЭТОМ И МУДРЕЦОМ. С ГОРЕЧЬЮ ЭККЛЕЗИАСТА ОН ПИСАЛ: «У НЕРАЗУМНЫХ ЮНОСТЬ И КРЕПОСТЬ ТЕЛЕСНАЯ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В СТАРОСТЬ, СЛАВА — В ПЕЧАЛЬ, А БОГАТСТВО РАЗОРЯЮТ СМЕРТЬ И ТЛЕН, И ЛЮБОЕ ВЕСЕЛИЕ ЖИЗНИ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЛАЧЕМ. ПРАВДА ЖЕ НЕ ПОГИБАЕТ ВОВЕКИ. ВОР НЕ ЛЮБИТ СОЛНЦЕ, А ГОРДЫЙ — СМИРЕННОГО. ОТТУДА, ГДЕ СВАРА И РОЗНЬ, УХОДИТ БОГ».

Ремезов написал «розметы» и высчитал стоимость работ: 44 255 рублей. Планы и бюджет требовалось утвердить в Москве. В июне 1698 года Ремезов с сыновьями и со всеми документами выехал на переговоры к главе Сибирского приказа дядю Андрею Виниусу. В столицу Ремезовы прибыли в августе, и их поселили в огромном тереме князей Черкасских.

В Сибирском приказе Ремезов обсудил с Виниусом свои замыслы каменного строительства и защитил расчеты. В Оружейной палате Ремезову выдали «фряжскую книгу» по зодчеству и обучили азам строительных работ: как соорудить копию для бития свай, как механизировать подъем материалов на гору, как мять глину, готовить известь, обжигать кирпич, выкладывать стены, арки и своды. Грамотой от 4 декабря прошедший обучение Ремезов был официально назначен главным архитектором Тобольска и начальником строительства. Потом Ремезовы отправились обратно. В четыре месяца «командировки» вместились все знакомство Семена Ульяновича с каменной архитектурой и современным градостроительством. Все, что Ремезов задумал и осуществил в Тобольске, было основано на впечатлениях из этой поездки.

Возведение нового Тобольска началось с главного административного здания — с Приказной палаты. Палата была готова к середине лета 1701 года, а 4 июня, незадолго до завершения работ, в Тобольске вспыхнул огромный пожар. На Верхнем посаде сгорело 876 дворов, на Нижнем — 206. Город будто бы сам расчищал себя для преобразований, и 16 ноября в Тобольск доставили очередной указ Петра о застройке города. Теперь Петр требовал типовых зданий для горожан, хотя никаких примеров не предлагал.

Ремезов самостоятельно разработал проекты типовых домов. За образец он взял обычный бревенчатый сруб длиной и шириной в три сажени. Дома должны были стоять единым ровным строем на высоких подклетах (нижних полуэтажах) и входами смотреть на улицы, как положено в Европе, а не в огороженные дворы, как обычно на Руси. Ремезов предусмотрел два варианта типового дома. Для тех, кто побогаче, — кирпичная «палатка» с аркой вместо крыльца и с черепичной крышей, которую можно разобрать и надстроить второй этаж. Для тех, кто бедней, — дом из бруса, причем на два «жилья» («квартиры»). При архаичном облике зданий, инженерные и, так сказать, социальные идеи Ремезова обогнали время на столетие, а то и больше.

Воевода князь Черкасский поддержал проекты своего «изографа». На торговых площадях, с папертей храмов и галереи Приказной избы глашатаи-бирючи прокричали народу, что стройматериалы для типовых домов воевода отпускает из казны по себестоимости всем, кто пожелает, — только стройте, православные. И в Тобольске действительно построили несколько типовых домов по проекту Ремезова. Но, увы, властям не хватило ни денег, ни настойчивости, чтобы довести модернизацию до конца, и в целом затея не реализовалась, а новшества не прижились. «Старина» одержала победу. Но попытка градостроительной революции вызывает восхищение.

РУССКОЕ VS. ГОЛЛАНДСКОЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ ВИНЮСА

Андрей Андреевич Виниус в эпоху Петра оказался идеальным русским, потому что по происхождению был голландцем. Царь верил в Россию и мечтал перестроить ее по образцу обожаемой им Голландии.

В тридцатые годы XVII века под Тулой нашли железную руду, и голландский хлебный торговец Андреас Вениус получил разрешение построить здесь железоделательные и оружейные мануфактуры. Предприимчивый купец принял русское подданство, перешел в православие и добился дворянского титула. Его сын Андрей, который потом стал Виниусом, родился в 1641 году и рос в Немецкой слободе — в «элитном районе» Москвы той эпохи. Дома он занимался математикой, химией, географией, богословием и языками — немецким, голландским и английским, а от отца перенял заводское дело.

В 23 года Виниус поступил на службу переводчиком в Посольский приказ и разъезжал по Европе, потом его назначили главой Почтового ведомства, потом — Аптекарского приказа. Любопытный и образованный Виниус дружил с юным царем Петром, обучал его латыни и поддерживал все его замыслы. В 1697 году Петр назначил Виниуса главой Сибирского приказа.

Сибирский приказ — министерство по делам Сибири — был, пожалуй, самой коррупционной структурой в государстве, потому что ведал пушниной — главной валютой России. Петр надеялся, что Виниус, почти что европеец, устоит перед русским грехом лихоимства. И Виниус проявил себя вполне прогрессивным деятелем. Например, в 1700 году он перевел документы из формата «столбцов» (свитков, к которым подклеивали последующие бумаги) в удобную форму тетра-

дей. Но главным его свершением стала организация металлургической промышленности. Для заводов Виниус, знаток географии, выбрал Урал. Впрочем, не исключено, что причиной этого все же оказалась корысть: тогдашний верхотурский воевода Алексей Калитин был тестем Виниуса и мог обогатить семью из казенных капиталовложений. В 1699 году на Урале в Верхотурском уезде были основаны первые заводы России.

Виниуса крестил сам патриарх Никон, но такая честь не повлияла на мировоззрение практичного голландца. Он был сторонником светского государства, и в 1698 году издал указ, по которому сибирское духовенство лишалось казенного жалования. Пускай священники кормятся с земельных наделов, которыми владеют приходы, то есть добывают хлеб свой насущный не молитвой, а плугом. Когда армия царя Петра потерпела поражение под Нарвой и потеряла все пушки, накопленные Россией за двести лет, Виниус попросил у Петра дозволения переливать на пушки церковные колокола.

После Нарвской конфузии Петр поручил энергичному голландцу еще одно ведомство — Артиллерийский приказ. Возродить оборонку должен был человек с европейским мышлением; дьяка Виниуса обязали вернуть державе артиллерию. Осенью 1702 года он отправился на Урал «для умножения сибирских заводов». Сначала Виниус проинспектировал Невьянский завод, недавно подаренный Никите Демидову; столичного дьяка сопровождал сын Никиты Акинфий. Потом Виниус приехал на речку Алапаху, где строили новый завод, и наблюдал, как из дикого камня кладут стены молотовой фабрики. Потом дьяк прибыл в Тобольск к воеводе Черкасскому, но больше его интересовал разговор со старым знакомым — зодчим и картографом Семеном Ремезовым, великим знатком Сибири. Виниус советовался, как наладить транспортировку пушек с Урала в Россию. Из Тобольска Виниус покатыл на Каменский завод, затем — на заводку Уктусского завода, и только после этого приказал везти себя обратно в Москву. Поездка Андрея Виниуса утвердила Урал в статусе главного арсенала державы.

КОРПУС МОЛОТОВОЙ ФАБРИКИ АЛАПАЕВСКОГО ЗАВОДА ДОСТРОЕН В 1703 ГОДУ. ЭТО — САМОЕ СТАРОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗДАНИЕ РОССИИ. В НЕМ СТОЯЛИ ХВОСТОВЫЕ МОЛОТЫ, КОТОРЫЕ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ РЫЧАГОВ ПРИВОДИЛИСЬ В ДЕЙСТВИЕ ВОДОВОЙНЫМИ КОЛЕСАМИ ПОД ПЛОТИНОЙ ЗАВОДСКОГО ПРУДА. МОЛОТЫ ОТКОВЫВАЛИ ЧУГУН В ЖЕЛЕЗО. ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО СТОЛЬ УНИКАЛЬНОЕ И ЗНАЧИМОЕ СООРУЖЕНИЕ ПРЕБЫВАЕТ В ПОЛНОМ ЗАПУСТЕНИИ.

Но, увы, увы! Голландская прививка оказалась бессильна против русской чиновничьей болезни казнокрадства. Виниус начал принимать подношения «в почесть», а потом и воровать. Он укрыл от наказания многих сибирских воевод-лихоимцев, в том числе и князей Гагариных. Подношения воевод так ловко проскальзывали в карман, что Виниус «заблокировал» реформы Петра в Сибири, дабы сохранить выгодное ему воеводское управление.

Царь почуял неладное, и в 1704 году Виниус попал в опалу. Он хотел вернуть расположение государя через Меншикова и сунул «Данилычу» взятку, однако Меншиков донес царю. Виниуса сняли со всех должностей и бросили под кнут. Он еле спасся от смертной казни и в 1706 году сбежал из России. За границей Виниус затосковал — ему жилось бедно и скучно, и в 1708 году он вымолил у Петра прощение. В России Виниусу вернут чин и все конфискованное имущество, но поручат тихую книжную работу: переводы трудов по механике, артиллерии и воинскому делу. Последние одиннадцать лет своей жизни неутомимый практик сми-

ренно проведет за письменным столом. И оставит после себя богатую библиотеку, которая перейдет в Академию наук.

А Сибирский приказ после Виниуса возглавит князь Ромодановский, деспот и пьяница, вернейший сподвижник Петра и руководитель страшного Преображенского приказа, где терзали врагов государя. При Ромодановском доходы с Сибири резко упадут. И в 1706 году главой приказа назначат князя Матвея Гагарина, будущего первого губернатора Сибири.

«КУНГУРСКАЯ ПОСЫЛКА» *ПОЕЗДКА РЕМЕЗОВА В КУНГУР*

Семен Ремезов подсказал дьяку Андрею Виниусу, как можно доставлять продукцию горных заводов Урала в центральную Россию: надо везти грузы путем Ермака — в судах по реке Чусовой. Ремезов подыскал самое удобное место для новой горнозаводской пристани — Чусовскую слободу. По велению воеводы Черкасского в марте 1703 года Семен Ульянович с сыновьями и помощниками двинулся из Тобольска на Урал. Это путешествие Ремезов назвал «кунгурской посылкой»; оно оказалось удивительно результативным.

Сначала Ремезов заехал в Далматовский монастырь и сделал книжный вклад в обитель. Потом прибыл на Каменский завод — один из двух первых уральских заводов. С промышленностью Ремезов еще не сталкивался. Он изучил устройство завода и его оборудования, сделал чертеж предприятия и отдельных цехов. С завода Ремезов направился в Чусовскую слободу. Вслед за ним санные обозы Каменского завода везли на Чусовую новые пушки.

Верхотурский воевода Алексей Калитин прислал Ремезову четыре сотни плотников из деревни Меркушино — главной сибирской верфи. Напротив Чусовской слободы на устье речки Утки плотники соорудили плотбище и пристань; к ледоходу на плотбище было готово 40 дощаников. Их загрузили пушками и железом Каменского завода. 27 апреля первый караван отчалил от пристани и вышел на стремнину вешней Чусовой. Ремезов и его спутники поплыли вниз по бурной реке. Ремезов записал: «Чусовая река быстрая и крутолуковая, береги каменные, и в утесах есть многие бойцы каменные». «Бойцы» — это скалы, которые могут разбить дощаник вдребзги.

В СЕЛЕ СЛОБОДА НА РЕКЕ УТКЕ, ПРИТОКЕ ЧУСОВОЙ, НАХОДИЛАСЬ ГЛАВНАЯ И САМАЯ БОЛЬШАЯ ЧУСОВСКАЯ ПРИСТАНЬ — УТКИНСКАЯ. ЗДЕСЬ БЫЛИ ПЛОТБИЩА ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СУДОВ И МАГАЗИНЫ-АМБАРЫ, КУДА СВОЗИЛИ ДО ПОГРУЗКИ ПРОДУКЦИЮ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ. ЗНАЧЕНИЕ ПРИСТАНИ УПАЛО В 1878 ГОДУ, КОГДА ЧЕРЕЗ УРАЛ ПРОВЕЛИ ПЕРВУЮ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ. ПРИСТАНЬ БЫЛА ЗАКРЫТА В 1882 ГОДУ. СЕЙЧАС ОТ НЕЕ НЕ ОСТАЛОСЬ УЖЕ НИКАКИХ СЛЕДОВ.

Первый «железный караван» доберется до Москвы за 83 дня. В пути погибнет лишь одно судно. «Железные караваны», придуманные Ремезовым, окажутся настолько удобными, что завладеют Чусовой на 175 лет — до строительства железной дороги. На смену легким дощаникам придут барки — большие, как вагоны. В XIX веке «железные караваны» будут состоять из 500 — 600 судов, а Чусовая будет обслуживать полсотни горных заводов.

А Ремезов со спутниками сошел с каравана в Сулемской слободе и гужевым трактом поехал в город Кунгур. В «наказной памяти», врученной Ремезову еще в Тобольске, значилось: «По великаго государя указу велено зделать наличной чертеж Кунгурской земли с розмером подлинным, и переписные книги городу Кун-

гугру и уездов, и пади многих рек, и меж ими гор, и улусы татар и вогулич, и по рекам промыслы, и угодяя птичьи и зверные, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и хмелевое щипанье».

Дело в том, что в январе 1703 года «поморский город» Кунгур передали из «Новгородской четверти» в Верхотурский уезд. Ремезов должен был провести перепись населения, чтобы воевода Калитин прикрепил кунгурских мужиков к Невьянскому заводу Демидовых. А мужики не хотели работать на завод в ущерб своему хозяйству. И в Кунгуре гостей встретили без приятни.

Посадские жители во главе со старостами, подьячие, кунгурские татары и даже бурмистры саботировали повеления «чертещика» Ремезова: не давали материалов и продуктов, не предоставляли сведений, ругались и грозились убить, а потом написали челобитные о пьянстве и взяточничестве комиссии Ремезова. Но Семен Ульянович все же справился с заданием — сосчитал крестьян, составил чертежи уезда и план города Кунгура.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ НА ИРБИТСКОЙ ПИСАНИЦЕ БЫЛИ ИЗОБРАЖЕНЫ ГОЛЫМИ, С АНАТОМИЧЕСКИМИ ПОДРОБНОСТЯМИ. ПЕРЕРИСОВАННАЯ ИРБИТСКИЕ ЗНАКИ ИЗ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ В КНИГУ, РЕМЕЗОВ СТЫДЛИВО ОПУСТИЛ ЭТИ ДЕТАЛИ, А ЗАОДНО ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ СТИЛИЗОВАЛ ФИГУРЫ. ОДНАКО ПЛЕННОМУ ШВЕДУ СТРАЛЕНБЕРГУ РЕМЕЗОВ ДАЛ СКОПИРОВАТЬ «ПОЛЕВЫЕ» РИСУНКИ. ВОТ ТАК И ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО СТРАЛЕНБЕРГ ОПУБЛИКОВАЛ БОЛЕЕ ТОЧНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, НЕЖЕЛИ ОСТАЛИСЬ В КНИГЕ РЕМЕЗОВА, ХОТЯ НЕ БЫВАЛ У ИРБИТСКОЙ ПИСАНИЦЫ.

Эта ревизия аукнется в июле, когда Ремезов уже покинет Кунгур. На речке Бым вспыхнет бунт: мятежники откажутся копать для Демидовых руду на горе Советной. Семь сотен восставших крестьян обложат осадой крепость Кунгура, в которой будет держать оборону местный воевода Текутьев. Он прикажет стрелять по мужикам из пушек, но атаку конных стрельцов мужики отобьют, безжалостно порубив всадников косами. Власти пойдут на уступки. С этого бунта начнется непримиримая борьба крестьян против заводов, и высшего накала она достигнет через семьдесят лет — в пугачевщину.

А у Ремезова в Кунгуре были свои открытия. В старых сундуках Дома Воеводы он отыскал удивительный документ — еще одну хронику похода Ермака. Кто ее автор — неизвестно. Ремезов сложил листы пополам и спрятал летопись в свою сумку: все равно в Кунгуре она никому не нужна. А в окрестностях города Ремезов обследовал огромную Кунгурскую пещеру. Кривые проходы и полости пещеры источили недра Ледяной горы на берегу реки Сылвы. Узкий вход, даже летом заросший льдом, укрывался за валуном под известняковой стеной. Ремезов протиснулся через шкуродеры карстового подземелья и, подняв факел, осмотрел таинственные гроты со сталактитами и сталагмитами. Обмерив «палаты» веревкой, Ремезов начертил первую карту пещеры. Через двадцать лет после Ремезова Кунгурскую пещеру исследует и Василий Татищев; он первым объяснит процесс происхождения пещер.

Но чудеса «кунгурской посылки» еще не закончились. На обратном пути в Тобольск, уже в июне, Ремезов свернул к Писаному камню на реке Ирбит. Этот невысокий утес был покрыт доисторическими рисунками — «древних лет чюдским письмом», как потом прокомментирует Ремезов. Полустертые человечки, «палка-палка-огуречик», размахивая ручками, по стене скалы бежали за смешными угловатыми оленями. Ремезов скопировал некоторые изображения, а дома перенес их в свою «Служебную чертежную книгу».

Четыре быстрых месяца «кунгурской посылки» Семена Ульяновича Ремезова охватили всю историю Сибири — от петроглифов до горных заводов. «Кунгурская посылка» заложила основу жизни промышленного Урала и собрала столько загадок, что иные и до сих пор не разгаданы.

ЗВЕРЬ В СИБИРИ МАМОНТ

СИБИРСКИЕ МАМОНТЫ

Иностранцы говорили, что в Сибири обитает сатана. Местные жители то и дело наткались на его гигантские рога, которые угрожающе торчали прямо из земли или прорубались сквозь ледяные глыбы. Страшно было представить, какое чудовище орудовало ими, прокладывая себе путь из глубин на поверхность через твердую, как камень, вечную мерзлоту. Религиозные иностранцы заявляли: «Это бивни земноводных бегемотов. А Бегемот, как известно, — одно из имен дьявола». Но нехристи-инородцы смекнули, что бивни и кости потустороннего зверя отличаются невиданной крепостью и могут пригодиться в хозяйстве. Аборигены придумали свою легенду, очень практичную. Подземный зверь — это злой дух. Каждый, кто увидит его торчащие из почвы клыки, должен немедленно выкопать их, тогда опасное отродье лишится силы. Легенда превратила промысел мамонтового клыка в миссию спасения человечества от потустороннего зла. И жители Сибири несколько столетий самоотверженно «боролись с демонами». Еще в начале XIX века на севере Сибири добывали около двух тысяч пудов мамонтовой кости в год. Бивни отправляли через Москву в Англию и через Кяхту в Китай.

В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ РЯДОМ С ПРИРОДНЫМ ПАРКОМ «САМАРОВСКИЙ ЧУГАС» НАХОДИТСЯ ЕЩЕ И АРХЕОПАРК — КОМПЛЕКС СКУЛЬПТУР, РАССКАЗЫВАЮЩИЙ О ЖИЗНИ В СИБИРИ В ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД. ЗДЕСЬ ЗУБРЫ, ВОЛКИ, ДИКИЕ ЛОШАДИ, СТОЙБИЩЕ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ И ЦЕЛОЕ СТАДО ОГРОМНЫХ МАМОНТОВ. А ЕЩЕ ИЗВАЯНИЯ МАМОНТОВ УСТАНОВЛЕННЫ В САЛЕХАРДЕ, ЯКУТСКЕ, МАГАДАНЕ И УСОЛЬЕ СИБИРСКОМ. МАМОНТЫ — БРЕНД СИБИРИ.

Кости невиданного животного находили в болотах, в береговых кручах, в земляных отвалах, в талых ручьях. Поэтому зверя считали подземным. Говорили, что он «громаден, черен и страшен, и два рога имеет и может двигать этими рогами как захочет. Пища зверя мамонта — эта самая земля, и ходит он под землей, земля от того подымается великими буграми, а позади его остаются глубокие рвы, и леса рушатся наземь. И целые поселения проваливаются в эти рвы, и люди гибнут». Особенно коварно зверь вредил хозяйственным русским крестьянам. На высоких берегах Тобола и Иртыша крестьяне ставили свои основательные подворья с банями и конюшнями. Весной большая вода отламывала от берега внушительные куски вместе со строениями. Когда река отступала, мужики находили в отвалах бивни и делали вывод: берег изнутри подгрыз мамонт. Чтоб отвадить нечисть от деревни, в половодье крестьяне выносили к реке иконы и опускали их в воду.

Опасный подземный зверь будоражил умы сибирских ученых. Целое исследование посвятил мамонтам миссионер Григорий Новицкий: «кости доброты и красоты единые с костями слоновыми», «великостью знамениты», «ветхостью неиссленны». Чаще всего, писал Новицкий, кости находят на берегах «Лдистого океана» и в береговых обрывах рек в Березове, Обдорске, Туруханске, а «найпачу Якуцку». Новицкий составил свод версий, кто такой мамонт. По одной из версий, это зверь, живущий в недрах земли, в пещерах. Когда он случайно выходит нару-



Тронготериевый слон в Музее природы и человека
в Ханты-Мансийске

жу, то от сухости воздуха умирает, если поскорее не вернется обратно. Выглядит это чудовище так: «высотой трех аршин, длиною пяти аршин, ноги подобны медведю, роги оныя крестообразно сложены на себе носяща, и егда ископывает пещеры, тогда согибается и простирается в подобие ползящего змия».

ДОБЫЧА МАМОНТОВЫХ БИВНЕЙ — ДАВНИЙ И УВАЖАЕМЫЙ СИБИРСКИЙ ПРОМЫСЕЛ. «МУЗЕЙ МАМОНТОВЫХ КОСТЕЙ» НАХОДИТСЯ В МЕРЗЛОТНОЙ ПЕЩЕРЕ В ПОСЕЛКЕ ХАТАНГА. ПОРОЙ ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА СОХРАНЯЛА ДАЖЕ ТУШИ МАМОНТОВ. ВСЕМИРНУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ ПОЛУЧИЛИ МАМОНТЯТА «ДИМА», «МАША» И «ЛЮБА». САМОЕ КРУПНОЕ «МЕСТОРОЖДЕНИЕ» МАМОНТОВ — УРОЧИЩЕ ЛУГОВСКОЕ В ЮГРЕ. ЗДЕСЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ ЛЕЖАТ ОСТАНКИ МНОЖЕСТВА ДРЕВНИХ ИСПОЛИНОВ, НЕКОГДА УТОНУВШИХ В БОЛОТЕ.

В конце XVII века тобольский архитектор и знаток Сибири Семен Ремезов нарисовал мамонта для главы Сибирского приказа Андрея Виниуса. Рисунок он подписал: «Зверь в Сибири мамонт». У Ремезова любопытство было сильнее страха перед inferнальной тварью, и в Барабинской степи вблизи озера Чаны Ремезов сам отыскал огромный скелет мамонта. Тридцать казаков доставили находку в Тобольск, а Ремезов собрал скелет левиафана и установил для всеобщего обозрения возле дома воеводы. Мамонт получился высотой в 36 локтей. Мужики, глядя на это рогатое чудовище, украдкой крестились, бабы охали, а торжествующий Ремезов с секирой в руке гордо вставал внутри конструкции под ребрами и показывал, что до макушки мамонта не дотянуться даже кончиком секиры.

В 1720 году «куриоз» Ремезова увидел знаменитый исследователь Сибири Даниил Готтлиб Мессершмидт; он описал этого мамонта в своем дневнике. В 1740 году во время Второй Камчатской экспедиции академик Герхард Фридрих Миллер забрал тобольский скелет и увез в Академию наук, но через семь лет мамонт Ремезова погиб при пожаре Академии.

В 1700 году освободилась тобольская кафедра. Новым митрополитом назначили иеромонаха Димитрия (Туптало), но сразу стало ясно, что Димитрий по здоровью не сможет поехать в Тобольск. Петр приказал киевскому митрополиту Варлааму подыскать священника, подходящего для дикой Сибири: физически крепкого, благонравного и ученого. Поиски длились больше года. В конце концов, Варлаам указал на архимандрита Филофея (Лещинского), эконома Киево-Печерской Лавры и настоятеля Свенского (Ново-Печерского) монастыря под Брянском. Петр побеседовал с Филофеем, и архимандрит ему понравился. 4 января 1702 года Димитрий был переведен в Ростов, а Филофея посветили в митрополита Тобольского и Сибирского. И вскоре Филофей отбыл в Тобольск, забрав с собой два десятка ученых монахов из Малороссии, книги, иконы и церковную утварь. Ему было 52 года. Митрополия его казалась необъятной: она простиралась на десять тысяч верст в длину и на три тысячи верст в ширину. Но проблемы, которые предстояло решить новому митрополиту, были еще необъятнее.

Сначала владыке нужно было навести порядок в церквях и монастырях. В Сибири Филофей обнаружил полный разброд. Попы являлись на службы пьяными и в грязных рясах, монахи шатались по городу, клянчили подавание и спали с бабами. Многие храмы стояли закрытые — не хватало священников. Митрополит вынужден был принимать в батюшки крестьян и казаков, но клир получался малограмотный. Опечаленный владыка докладывал Петру: «Пришед в Сибирские страны, в церквах Божиих обрел великое нестроение. А читится то за великою простотою и нищетою».

6 декабря 1702 года в далеком Енисейске Филофей созвал Всесибирский церковный Собор. Для него владыка составил «Соборные статьи»: 51 правило, касающееся всех областей богослужения и жизни священников в Сибири. Владыка хотел сделать такие соборы ежегодными, но Петр побоялся, что церковь в Сибири усилится сверх меры, и запретил.

Филофей, опытный эконом, выпросил у Петра большие льготы. Архиерейский дом получил разрешение бесплатно отправлять дощаник за солью на Ямышозеро, беспощадно ловить рыбу в Оби и не отсылать в столицу собранные «милостынные» деньги, как было принято, а оставлять их у себя на духовные школы. В 1706 году владыка съездил в Москву и вернул под свою власть Кодский и Невьянский монастыри, возобновил Березовский монастырь. Софийский собор в Тобольске Филофей расширил и основал при нем хор из черкасов — ссыльных казаков-украинцев. Чтобы священники не попрошайничали, Филофей определил им твердое жалование, а сельским приходам выделил пахотные и сенокосные земли.

В 1702 году владыка открыл Славянорусскую школу, присоединив к ней школу воеводы Черкасского. Для преподавания он выписал из Киева пять просвещенных монахов. Печерский монастырь прислал книги. Скоро тобольская школа стала одной из крупнейших в России: она считалась пятой после духовных училищ в Киеве, Москве, Ростове и Чернигове.

При школе митрополит открыл Духовный театр, его первое выступление прошло 8 мая 1705 года. Учителя и ученики разыгрывали назидательные драмы. Сцена стояла у Софийского собора под открытым небом. Спектакли были приурочены к праздникам, и перед представлением звонили благовест. Некоторые пьесы Филофей писал сам и включал в них сибирские реалии: героями могли стать, например, князья-остяки. Если в действии появлялись Христос или Божия Мать, вместо них выносили иконы. По законам театра того времени актеры гримасничали и жестикулировали. Филофей обучал школяров актерской игре: «В гнѣве глас острый,

жесты быстрые, брови насуплены, тело напряжено. В печали глас тихий, жести медленные, голова склонена, слезы. В страхе глас низкий, брови приподняты, тело сжато. В любовном настроении глас приятный, много восклицаний и улыбка».

Одной из важнейших задач для митрополита была борьба с расколом. В раскольниках Филофей не принимал их гордыни. Он считал, что староверы слишком превозносят свой ум, но правда — в Писании, а не в «напыщенной мудрости» и «самомнении». Поначалу владыка был непримирим, жаждал притеснений и расправ. В 1702 году он запретил строительство часовен, чтобы старообрядцы не использовали их для своих богослужений, и лишил раскольников права хоронить усопших возле храмов. А в 1703 году владыка просил у Петра дозволения без суда на месте казнить непокорных еретиков и забирать их имущество в казну. (Петр не разрешил и приказал расследовать все случаи непокорства, а если казнить — то по суду.) В 1704 году Филофей потребовал, чтобы воеводы Черкасские разгромили скиты на реке Ишим. Но Черкасские это требование «ни во что поставили», и упрямый владыка добился, чтобы на строптивых воевод надавил Сибирский приказ; гнездо раскола на Ишиме все равно было разорено.

А через год по Сибири прокатилась волна бунтов против указа Петра о бритье бород. Раскольники называли бритых «скоблеными рылами», отрезанные бороды прятали за иконами и просили после смерти положить себе в гроб. Протестуя, раскольники даже устраивали самосожжения. Эти яростные восстания произвели на Филофея большое впечатление и остудили пыл владыки. Филофей понял, что бороться с вероотступниками угрозой смерти — жестоко и бессмысленно. Надо искоренять раскол иначе. В 1706 году в Москве Филофей предложил Петру не сжигать старообрядцев как еретиков, а брать с них деньги. Налог на вероисповедание вел к легализации раскола, и Петр решится на эту меру только через десять лет.

Деятельный Филофей не нашел общего языка с тобольским воеводой Черкасским и своей резиденцией сделал не Софийский двор в Тобольске, а Преображенский монастырь в Тюмени. Здесь владыка затеял строительство Троицкого собора (потом монастырь станет называться Свято-Троицким). В 1709 году Филофей тяжело заболел и попросил отпустить его на покой. Добровольная отставка митрополита — очень редкий случай в церковной истории. Филофей готовился к смерти и в своей любимой обители принял схиму под новым именем Феодор. Владыке было 59 лет. Возможно, он думал, что в Сибири у него ничего не получится. Он и не догадывался, что еще поднимется со смертного одра и вновь обретет себя в бурных, богатых событиями и страстями миссионерских странствиях.

ВСЕМИ ГУБЕРНИЯМИ

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I

Систему государственного администрирования России XVII века можно было бы охарактеризовать как «управляемый хаос». В стране было почти две сотни «субъектов управления» — городов, «разрядов», провинций, уездов и волостей, которые напрямую подчинялись государю, вернее, донельзя запутанной системе из нескольких десятков Приказов. Каждый Приказ ведал определенным кругом вопросов, зачастую объединенных друг с другом совершенно случайно. Такой сложный и громоздкий порядок мог обернуться анархией. Самовластье царя превращалось в самовластье любого мелкого дьячишки или воеводишки, который ни за что не отвечал. Петр понимал, что нельзя одними руками дергать за тысячи нитей — но можно скрутить эти нити в несколько прочных канатов и так удерживать на привязи все государство.

Упорядочить управление требовалось сразу по двум принципам: отраслевому

и территориальному. Отраслевой принцип — создание Коллегий (министерств). Территориальный — создание губерний. Петр решил начать с территорий. 18 декабря 1708 года он издал указ об учреждении восьми больших губерний: Ингерманландской (Санкт-Петербургской), Московской, Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской. Смысл был в том, чтобы перенести власть на места. Когда воля царя доводится до исполнителей только через несколько недель, невозможно контролировать ситуацию. Пусть нужные решения оперативно принимают губернаторы, а губернаторами надобно назначить самых умных и надежных сподвижников. Однако следует обязать их править по правилам и время от времени проверять с острасткой, чтобы не распоясались.

Сибирская губерния оказалась самой большой в России. Столицей стал город Тобольск. Губерния делилась на три неравные части. Первая часть — «поморские города»; их было пять, и они жили на правах городов Русского Севера. Вторая часть — Вятка с «пригородами»; здесь тоже было пять городов. Третья часть — девятнадцать «сибирских городов» (среди них Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут, Томск, Иркутск и Якутск). Такие города, как Обдорск, Туруханск, Верхоянск, Селенгинск или Албазин, были сочтены острогами, то есть военными поселениями.

В 1710 году Петр провел первое собрание губернаторов, на котором обсуждали бюджет, сформированный по данным за 1705–1707 годы. В 1711 году состоялось второе собрание, когда обсуждали результаты изменений и вновь составляли бюджет. Более-менее система губернаторского управления оформилась к 1712 году. Петр не выдумал ее сама, а взял за образец Швецию.

Губернаторы подчинялись Сенату. В Петербурге и Москве сидели губернские комиссары: они принимали и отсылали в губернии указы и повеления. Губернатор руководил административными, полицейскими и финансовыми учреждениями губернии, судом и войсками. У губернаторов были канцелярии с дьяками (их стали называть секретарями) и подьячими (канцеляристами, подканцеляристами и копиястами). При канцеляриях служило по 20–30 дворян для поручений и посылок. Порядок работы губернских канцелярий был определен к 1714 году. Те, кого решения канцелярий не удовлетворили, могли жаловаться в коллегии или Сенат.

Ближайшим помощником губернатора был вице-губернатор (как при старшем воеводе — младший). Другие помощники контролировали свои отрасли власти. Ландрихтер заведовал судебными делами. Обер-комендант командовал войсками и гарнизонами. Обер-провиантмейстер отвечал за продовольствие. Обер-комиссар (рентмейстер) ведал налогами и финансами. Казну хранили в особом здании — в рентерее, которой руководил камерирер. Правопорядком в городах занимались местные полицмейстерские конторы. Непосредственное, «текущее» управление осуществляла земская контора; у нее был свой бухгалтер-рентмейстер и штат земских комиссаров. Земская контора подчинялась губернской канцелярии. Эта бюрократическая система была жестко отчуждена от народа и не имела ничего общего с местным самоуправлением. Петр строил полицейское государство, империю.

Система не заботилась о благе регионов, ее целью было выкачивание средств. И проблема заключалась в том, что на полицейское государство у Петра не хватало денег. Народовластие оплачивается местной экономикой и прорастает в народ демократическими институтами. А государство Петра не оплачивалось ничем: поначалу чиновники, и даже губернаторы, вообще не получали жалованья. Они, как в старину, «кормились от дел», и полицейское государство прорастало в народ кумовством, взятками и поборами. Петр наступил на те же грабли, которые били по лбу всем русским царям.

В 1715 году государь запретил «кормление» и назначил чиновникам зарплату, но вектор уже был задан, и телега не выскочила из колеи. В бюрократическом

государстве чиновники обрели небывалое могущество. Аристократия никуда не исчезла и по-прежнему не видела для себя никакой социальной миссии, кроме обирания народа по праву благородной крови. А народ привычно раболепствовал и с поклоном нес начальству «приношения в почесть». Гражданственность так и осталась частным делом энтузиастов.

Никакое простодушное воеводское «лихоимство» XVII века не могло сравниться с регулярной коррупцией петровского абсолютизма. Петр понимал это — и в губернской реформе приравнял казнокрадство к государственной измене. «Объявлять» о нем теперь дозволялось страшной формулой «слово и дело!». Кстати, именно в это время в юридическом словаре России появился термин «преступление». Но чиновничьи аппараты губерний превратились в неуязвимые машины по извлечению доходов из власти. Реформа оказалась непредуманной, половинчатой, и Петр продолжал ее совершенствовать, однако главный изъян устранить было невозможно: где нет свободы личности, там восторжествует свобода корысти.

БУНТУЮЩИЕ В САВАНАХ *СИБИРСКИЕ РАСКОЛЬНИКИ ПРИ ПЕТРЕ I*

Почти семьдесят лет Россия терпела убытки из-за гражданской войны между никонианами и раскольниками. Государственная казна теряла сотни тысяч налогоплательщиков. Старобрядцы прятались по тайным скитам, бежали кто за границу, а кто и вовсе в рай через огненные ворота «гарей». Приходилось тратиться на стрельцов, которые рыскали по лесам и болотам в поисках непокорных. А война со шведами затягивалась, и казну для нее выгребли подчистую. Практичный и не очень богобоязненный Петр решил обратить раскольничью строптивость на пользу государственному карману. Он повелел: «Переписать всех раскольников мужского и женского пола, где бы они ни проживали, и обложить их двойной податью».

Налог на веру означал легализацию раскола. Теперь раскольники могли жить открыто. Тех, кто записал себя в раскол, стали называть «двоеданами». Царские переписчики поехали считать таковых по головам, но почти никого не нашли. Важное политическое решение на деле оказалось невыполнимым. Двойной налог был плохой альтернативой самоубийству за веру, потому что предполагал ту же смерть, только медленную и мучительную, — от голода. В «налоговой декларации» крестьянина в 1722 году и так значилось уже 25 пунктов: «окладных стрелецких тридцать алтын, слободских драгунских десять алтын, ямских пять копеек, попоротных восемь алтын две деньги, седельных и узденных четыре алтына з деньгою, рекрутных два алтына, подводных три алтына две деньги...» и так далее.

Тех, кто укрывался от переписи, ловили, взыскивали налог за все время просрочки и потом ссылали куда-нибудь в работы. Народ роптал. Среди раскольников пошли слухи, что царя Петра уже нет в живых, а империей правит «подменный швед». С 1721 года по Сибири покатила новая волна самосожжений. «Гари» задымили после того, как на Ишине близ Абацкой слободы, спасаясь от переписи, сожглась Ировская деревня.

В 1722 году масла в огонь подлил указ о присяге пока что безымянному наследнику престола (Петр еще не определил, кого он назначит). Староверы решили, что их заставляют присягать антихристу, у которого даже имени нельзя произнести, и началось ожесточенное сопротивление. Самосожжения раскольников произошли близ Каркиной слободы (400 душ), в деревне Елунской (600 душ), в Чугуновской пустыни, в деревне Морозовой (147 душ), в деревне Зырянской, в слободе Атбашской, в деревне Камышевской (71 душа) и на реке Пышме (145 душ).

Но самый кровавый бунт прогремел в сибирском городе Тара на Иртыше. В старообрядческих скитах новости распространились мгновенно, поэтому о присяге «царю неназванному» в пустыни старца Сергия близ Тары узнали намного раньше официального объявления от тобольских властей. В пустыни и так уже было много недовольных, и они сразу повели агитацию против присяги. Сергей несколько раз тайно приезжал в город и объяснял жителям, что лучше погибнуть или бежать, чем предаться антихристу. Среди учеников Сергия был глава тарских казаков полковник Немчинов. Смутьяны собирались в домах, толковали старообрядческие книги и составляли царю «противное» письмо. Начальство назначило присягу на 27 мая 1722 года. Утром у храма столпилось семьсот человек казаков и горожан. Коменданту Глебовскому заговорщики вручили свое послание, под которым стояло 228 подписей. Комендант растерялся и согласился зачитать бумагу вслух. И воззвание раскольников подействовало на народ. Из семисот человек к присяге пошли только попы, сам комендант и десяток робких жителей.

ОСТРОГИ БЫЛИ СИМВОЛОМ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ, И НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО В XXI ВЕКЕ ОНИ ПРЕВРАТИЛИСЬ В СИБИРСКИЙ БРЕНД. ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕПОСТИ СИМВОЛИЧЕСКИ ВОССТАНАВЛИВАЮТ УТРАЧЕННЫЕ НАЧАЛА СЕЛЕНИЙ. ВО МНОГИХ ГОРОДАХ В КАЧЕСТВЕ «ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПАМЯТНИКОВ» ИЛИ КУЛЬТУРНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВОЗВОДЯТ БРЕВЕНЧАТЫЕ БАШНИ ИЛИ ОСТРОГИ-НОВОДЕЛЫ. ЗАЧАСТУЮ ОНИ ДАЛЕКИ ОТ КАНОНОВ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ, НО ЭТО НЕВАЖНО.

Власти восприняли отказ Тары как государственную измену. По слухам, император велел «казнить весь город». Через две недели Тару занял большой карательный отряд. Руководителей бунта схватили, жестоко терзали на допросах, а потом четвертовали, сажали на кол, обезглавливали или вешали. Петр Багайчев, чьей рукой было написано «противное» письмо, дал большую взятку конвоирам, чтобы ему разрешили зарезаться до следствия. Полковник Немчинов с двумя десятками казаков заперся в доме и во время штурма взорвал себя с товарищами порохом запасом, но его все равно казнили — четвертовали посмертно. Простых жителей пытали, потом назначали им сто ударов кнутом, приводили к присяге и отправляли на каторгу.

Сотни домов были разорены, тысячи мужиков из окрестных селений бежали подальше от Тары — боялись, что их тоже накажут каратели. Спасаясь от преследования, многие крестьяне шли в огонь, но перед «гарью» объявляли о поддержке тарского «противного» письма. Известие о массовых убийствах в Таре дошло даже до джунгар. Степняки спрашивали у русского посланника: из какой страны враги захватили Тару и зверствовали там?

Имперская карательная машина работала так, что ее не остановила даже амнистия, объявленная тарским смутьянам в 1725 году после смерти Петра. Уже при Анне Иоанновне — через тринадцать лет после бунта — в Сибири еще продолжали ловить и вешать за ребра бунтовщиков, отказавшихся присягать покойному наследнику покойного Петра Алексеевича.

КОНЕЦ И СНОВА НАЧАЛО *ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ*

После того как Сенат вызвал князя Гагарина в столицу на разбор злоупотреблений, губернией год управлял обер-комендант Тобольска Семен Карпов. Потом — вице-губернатор Александр Солового. 29 мая 1719 года губернатором Сибири был назначен князь Алексей Черкасский.

Тобольск помнил его. Князь Алексей был младшим сыном последнего тобольского воеводы, князя Михаила Черкасского; с 1701 по 1704 годы он служил при отце младшим воеводой. Алексей Черкасский, обер-комиссар Петербурга, не хотел ехать в Сибирь, но Петр настоял на своем. Самовластье Гагарина многому научило Петра, и князь Алексей как губернатор получил от царя особую «воеводскую инструкцию» — свод уточненных правил губернского управления. Князь прибыл в Тобольск 4 января 1721 года.

Петр тем временем продолжал губернскую реформу. В 1719 году губерний стало уже 11; они разделились на провинции, а провинции — на уезды. Сибирскую губернию составили три провинции: Вятская — бывшая «Вятка с пригородами», Соликамская — бывшие «поморские города», и Тобольская — «сибирские города». С 1720 года в Сибири появились Надворные суды, которые заменили губернатора и комендантов при разборах небольших и бытовых дел. В 1723 году в Тобольске открылся городской магистрат, который ведал правовыми вопросами, а в уездных городах Сибири были учреждены ратуши, подчиненные тобольскому магистрату.

А губернатор Алексей Черкасский ничем не прославился. Он сидел тихо, инициативы не проявлял, свои обязанности исполнял постольку-поскольку. Человек безвольный и малодушный, он и в столице слыл «лицом безгласным». Незаметно отслужив свое, он сдал пост в январе 1724 года.

Третьим губернатором Петр назначил князя Михаила Долгорукова. Этот князь оказался человеком деятельным, но пользы от него почему-то не было. «Честные чиновники», которых князь привез в Сибирь, принялись воровать похлеще прежних. Поход казачьего головы Афанасия Шестакова, который должен был привести в русское подданство Чукотку, завершился провалом, а Шестакова убили. В общем, время Долгорукова было отмечено лишь административными преобразованиями. В 1724 году Тобольская провинция разделилась на три — Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую; в 1726 году Томск, Кузнецк и Нарым перешли из Енисейской провинции в Тобольскую; в 1727 году Вятская и Соликамская провинции были переданы в Казанскую губернию. Михаил Долгоруков был отправлен в отставку в 1730 году.

С 1720 года началась новая эпоха в сибирской картографии. Затеяливые чертежи Семена Ремезова отходили в прошлое. В экспедицию майора Ивана Лихарева (третья попытка достичь Яркенда) был включен отряд геодезиста Петра Чичагова, выпускника Морской академии. Чичагов взял с собой уже астрольбию и бус-соль. Геодезисты нанесли на карту Иртыш — теперь с учетом широт и долгот, с масштабом и верной ориентацией по сторонам света.

После похода Лихарева Чичагов возглавил собственную геодезическую экспедицию, состоящую из сотни выпускников Навигацкой школы. Десять лет экспедиция Чичагова обмеряла Иртыш, Тобол, Обь и Енисей. Геодезисты побывали в Саянах и на плато Путорана (его называли Норильский камень), на Ямале и Таймыре, в Барабинской и Кулундинской степях. Чичагов составил каталог из 2000 населенных пунктов, у которых он определил координаты. Западная Сибирь легла на карты профессионалов.

Настало время урегулировать отношения с Китаем. Нерчинский договор слишком неопределенно описывал границу между империями, и китайцы тревожились, что русские вернутся на Амур. Светоносный император Канси умер, и его преемник, гармоничный император Юнчжэн, пригласил к себе посольство от царя Петра. Посольство прибыло в Пекин в 1726 году. Его возглавлял негодичант и дипломат Савва Владиславич Рагузинский.

Теперь богдыхан не настаивал на ритуале «коу-тоу», однако переговоры все равно затянулись. Начавшись в Пекине, через год они продолжились в полевом ста-

не на речке Бурее, а потом — в новопостроенной слободе Кяхта. Усилил послов не пропали даром: Россия и Китай все-таки сумели прийти к компромиссу в вопросах границ и торговли. Чтобы не ссориться из-за императорских достоинств, обе стороны решили, что отныне общаться будут не государи, а Сенат и Лифаньюань. Китайцы сократили количество русских караванов до одного в три года, но зато согласились регулярно приезжать к русским на ярмарку в Кяхту. Среди дипломатов, подписавших Кяхтинский договор, оказался Тулишэнь. Договор будет действовать 120 лет.

АЛЕКСАНДР МЕНШИКОВ, «ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН», БЫЛ ПОХОРОНЕН В БЕРЕЗОВЕ НА БЕРЕГУ СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ ВОЗЛЕ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ, КОТОРУЮ САМ ЖЕ И СТРОИЛ. ЦЕРКОВЬ СГОРЕЛА В 1764 ГОДУ. В 1825 ГОДУ ПО УКАЗАНИЮ ГУБЕРНАТОРА БАНТЫШ-КАМЕНСКОГО МОГИЛУ МЕНШИКОВА ВСКРЫЛИ И ОБНАРУЖИЛИ В ГРОбУ НЕПОВРЕЖДЕННОЕ ТЕЛО ПОКОЙНОГО, ПОКРЫТОЕ КОРКОЙ ЛЬДА. ТЕЛО ВЕРНУЛИ ОБРАТНО В МОГИЛУ. А ПОТОМ МОГИЛА ЗАТЕРЯЛАСЬ. ВИДИМО, В ПОЛОВОДЬЕ ВМЕСТЕ С ЧАСТЬЮ БЕРЕГА ОНА ОСЫПАЛАСЬ В РЕКУ.

Торговую слободу Кяхта в горах Забайкалья (поблизости от впадения Орхона в Селенгу) Савва Рагузинский основал в 1727 году. Слободу стерег Троицко-Савский острог. Возводили острог и слободу солдаты Якутского полка, ими командовал Иван Бухгольд. В Забайкалье он служил с 1723 года.

Бухгольд станет «главным устроителем» русско-китайской границы. Он разберется в тонкостях экономических и политических отношений с Китаем и станет незаменимым специалистом. В отставку он выйдет в 1740 году уже в чине генерал-майора. А причудливая Кяхта, полутаежная-полукитайская, быстро превратится в богатое и бойкое селение, процветающее на торговле чаем; тысячи пудов чайных кирпичей и тысячи тюков чайных «гнезд» отсюда будут расходиться по всей России и по всей Европе. Иностранцы прозовут Кяхту Песчаной Венецией, а русские — Забалуй-городком. Кяхтинское благополучие подкосит лишь открытие Суэцкого канала.

Бурная и яростная петровская эпоха в Сибири завершилась в 1729 году. В 1728 году в Березов привезли самого известного сибирского ссыльного — князя Александра Меншикова, «полудержавного властелина» и бывшего фаворита Петра. Он пал жертвой дворцовых интриг. С Меншиковым были сын и две дочери. Их поселили под охраной в пустующем Воскресенском монастыре. В Березове опальный вельможа строил церковь, копал огород и диктовал мемуары. Он раскаялся в грехах и теперь облагораживал души ближних возвышенными поучениями о праведной жизни. Но продолжалось это недолго. 26 декабря 1729 года Меншиков умер. Похоронили его близ возведенной им церкви в вечной мерзлоте на высоком берегу реки Сосьвы.

Грозы отгремели, страсти отгорели, былые титаны перешагнули предел земной жизни, а Россия осталась, и Сибирь тоже осталась. История двигалась дальше: ее огромные зубчатые колеса вращались все так же неумолимо, державные куранты отбивали урочные часы, и жернова событий перетирали в песок новых героев, новых святых и новых злодеев. Но это происходило уже иначе, хотя все та же вечная тайга шумела по берегам великих рек, и северные сияния по-прежнему полыхали над тундрой, и неизменные ветра неслись над бескрайними степями. Но Сибирь стала другой. Она осознала в себе силу и славу главного достояния нации. Она была наградой. Она была наказанием. Она была вызовом, надеждой и спасением.

Отныне Сибирь была имперской.